

КНЯЗЬ КСАВЕРІЙ ДРУЦКОЙ-ЛЮБЕЦКІЙ

1777—1846.

Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго.

Justum ac tenacem..... Horat.

Въ числѣ достопамятныхъ государственныхъ дѣателей нашего столѣтія, заслуживающихъ полной біографіи, одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ князю Любецкому. Служебная жизнь его, продолжавшаяся болѣе полувѣка, состоявшая изъ непрерывнаго ряда истинно-полезныхъ трудовъ въ высшихъ кругахъ дѣятельности, ознаменовалась вмѣстѣ съ этимъ исключительными положеніями, внезапными переходами и громаднѣмъ вліяніемъ. Представленіе этой жизни въ законченной картинѣ было бы столько же занимательнымъ, сколько въ высшей степени поучительнымъ. Такой важный трудъ предстоитъ будущему біографу.

Но для него не бесполезнымъ будетъ настоящій, безпритязательный очеркъ. Фактическіе результаты дѣятельности и особенности положеній всѣмъ извѣстны изъ офиціальныхъ источниковъ, тогда какъ то, что здѣсь будетъ сказано, заключаетъ подробности, положенныя за предѣлами офиціальности, немногимъ, а быть можетъ, никому, кромѣ меня, неизвѣстныя, а также личныя взгляды самого князя. Тѣ и другіе почерпнуты изъ интимныхъ съ нимъ бесѣдъ, изъ его разсказовъ и, наконецъ, изъ собственныхъ наблюденій пишущаго эти строки. Безъ такого толкованія, исключительныя особенности многихъ фазисовъ его поприща остались бы въ состояніи факта „совершившагося“, но не объясненнаго побудительными причинами и внутреннимъ его значеніемъ.

Проживъ въ Петербургѣ почти безвыѣздно цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ (1822—1872), только по прибытіи князя Любецкаго въ эту столицу

на постоянное жительство, я имѣлъ случай войти съ нимъ въ близкія отношенія. Они продолжались во все время его пребыванія въ Петербургѣ (1831—1846) и сдѣлались почти каждодневными. Дабы объяснить такія отношенія при различіи положеній (я тогда былъ еще маленькимъ чиновникомъ), нужно сказать, что князь былъ нѣкогда особенно друженъ съ моимъ покойнымъ отцомъ и даже его вліянію на себя приписывалъ первый рѣшительный шагъ своей карьеры; поэтому, вѣроятно, князь ко мнѣ благоволилъ, оказывалъ полное ко мнѣ довѣріе и былъ со мною совершенно откровеннымъ. Увѣренный въ моей къ нему преданности и скромности, всякій разъ, когда признавалъ нужнымъ войти къ Государю съ особеннымъ всеподданнѣйшимъ представленіемъ, или въ государственный совѣтъ съ особымъ мнѣніемъ (послѣднее случалось нерѣдко), то редакцію того и другаго поручалъ мнѣ, находя, что мысли его я передаю вѣрно.

Для лучшей характеристики нашихъ съ княземъ отношеній, приведу здѣсь одинъ эпизодъ: онъ дастъ понятіе о ихъ сущности.

Разъ, среди какого-то разсужденія объ общемъ предметѣ, гдѣ я не соглашался съ княземъ, онъ вдругъ сказалъ: „я вижу, что вы имѣете собственныя убѣжденія, не поддаетесь подобострастно авторитетамъ. Это хорошо, но хорошо только до тѣхъ поръ, покуда самостоятельность мнѣнія не переходитъ въ самолюбивое упрямство, слѣпо отталкивающее всякое противное сужденіе, какъ бы оно убѣдительно ни было. Такого недостатка я въ васъ не предполагаю. Поэтому хочу подвергнуть вашей критикѣ одну финансовую мѣру, введенную мною лѣтъ за восемь въ Царствѣ, которую я признаю полезною, но противъ которой возставали многіе. Вопросъ этотъ довольно сложенъ и многостороненъ. Я приведу мои мотивы и буду защищать мѣропріятіе, а вы составляйте оппозицію.“

На такой вызовъ я разсмѣялся и сказалъ: „вы, князь, обрекаете меня на неблагоприятную роль „адвоката дьявола“ въ канонизаціонномъ процессѣ“¹⁾.

— „Почему вы такъ думаете?“

— Потому, что в. с. будете, безъ сомнѣнія, отстаивать что либо основательное, то есть истину, а истина тоже святая.

¹⁾ Известно, что въ судебномъ процессѣ объ окончательной канонизаціи признаваго уже католическою церковью блаженнымъ (beatus) назначается изъ духовныхъ оппонентъ, обязанный изыскивать и представлять суду возможные возраженія противъ признанія подсудимаго святымъ. Такой оппонентъ, исполняющій роль вѣковаго Завѣстника, и называется поэтому *Advocatus Diaboli*. Онъ обыкновенно проигрываетъ дѣло, и тогда долженъ принести предъ канонизованнымъ повинную и первый воздать ему честь какъ святому.

— „Вы хотите отдѣлаться комплиментомъ, а я серьезно желаю, чтобы вы выслушали мой тезисъ, такъ какъ увѣренъ, что если въ немъ замѣтите, то и укажете le défaut de la cuirasse“¹⁾.

— Это я вамъ обещаю.

Я съ напряженнымъ вниманіемъ выслушалъ вступленіе и выводы, даже записывалъ мѣста, которые, казалось, могли представить матеріалъ для оппозиціи, обдумывалъ возможные возраженія и дѣйствительно я сдѣлалъ ихъ по двумъ пунктамъ.—Я чувствовалъ несостоятельность ихъ въ сущности, но, при помощи звучной фразистики, они имѣли видъ благообразный. Князь отвѣчалъ серьезно, хотя и замѣтно было, что на его уста такъ и просится улыбка. Ему легко было въ двухъ словахъ уничтожить мои аргументы и мнѣ пришлось кончить тѣмъ же, чѣмъ въ канонизаціонныхъ процессахъ кончается „чортовъ адвокатъ“.

Съ начала пребыванія своего въ Петербургѣ князь не имѣлъ довольно навыка въ русскомъ языкѣ; подобные диспуты со мною всегда происходили по русски. Они возобновлялись часто и я понималъ, что князь признаетъ ихъ полезными для приобрѣтенія навыка, нужнаго ему для серьезныхъ составаній въ предстоящемъ званіи члена государственнаго совѣта. Это, впрочемъ, была игра въ діалектическій шахматъ, гдѣ я служилъ жертвою для „experimenta in anima vili“, постоянно получая шахъ и матъ. Но и для меня игра эта была не безъ пользы. Я все болѣе и болѣе изучалъ логическую складку ума князя, а, для поддержанія партіи, изощрялся много и кудреватого говорить, большею частью противъ собственнаго убѣжденія.

Въ одномъ только случаѣ, по частному дѣлу, разбиравшемуся въ государственномъ совѣтѣ, я не призналъ себя побѣжденнымъ; князь и я остались каждый при своемъ мнѣніи.

Между тѣмъ, приведенныя обстоятельства доставили мнѣ, какъ я уже нахекнулъ, случай подробно анализировать личный характеръ князя Любецкаго, изслѣдовать своеобразный складъ его ума и діалектическіе приемы. Поэтому, при изложеніи въ настоящемъ очеркѣ фактовъ, я буду имѣть возможность пояснять различныя измѣненія карьеры князя побудительными въ тому причинами и обстановкою, а вмѣстѣ и опредѣлять каждый разъ—подъ вліяніемъ котораго изъ составныхъ качествъ его ума фазисы эти развивались, принимая такой, а не иной характеръ. Разумѣется, что изъ интимныхъ бесѣдъ я приведу лишь то, что можетъ быть высказано и что признаю необходимымъ въ интересъ исторической правды.

¹⁾ Слабыя стороны.

Сдѣлавъ это необходимое вступленіе, перехожу къ самому разсказу.

У меня передъ глазами послушной списокъ князя Ксаверія Францовича Друцкаго-Любецкаго, этотъ officialный скелетъ дѣятельности государственнаго человѣка. Біографія, писанная по однимъ даннымъ формулара, представляютъ такія же безжизненные основы, какъ и ихъ источники. Мнѣ очень лестно, что, проходя хронологически жизнь и дѣятельность князя, я имѣю возможность представить такія подробности, которыя возстановятъ движеніе и колоритъ жизни.

I.

Князь Ксаверій Францовичъ происходилъ изъ древняго рода русскіхъ князей. Отрасль Друцкихъ-Любецкихъ съ давнихъ временъ поселилась въ Литвѣ; имъ принадлежали значительныя имѣнія въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Минской; гнѣздо фамиліи было въ послѣдней. У князя Ксаверія было два старшихъ брата и три сестры. самъ-же онъ былъ женатъ на родной своей племянницѣ Маріи, дочери одной изъ своихъ сестеръ, графини Терезіи дель-Кампо-Сципіонъ. Отъ этого брака, заключеннаго по спеціальному разрѣшенію папы Пія VII, князь имѣлъ двухъ сыновей и четырехъ дочерей.

Первоначальное образованіе князь получилъ въ бывшемъ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ. Въ немъ въ то время (1784—1797 гг.) не было недостатка въ хорошихъ учителяхъ. Математическія науки преподавалъ ученный европейской славѣ—Эйлеръ (Euler). Князь Любецкій былъ любимымъ его ученикомъ. Изученіе математики, которому молодой кадетъ страстно предавался, ввело въ складъ юнаго ума ту строгую точность, которая въ немъ навсегда уже осталась отличительною чертою.

Въ 1797 году, двадцатилѣтній князь былъ выпущенъ прапорщикомъ въ Низовскій мушкатерскій полкъ и нашелся въ составѣ арміи, совершившей, подъ начальствомъ Суворова, славную итальянскую кампанію. Любецкій участвовалъ во всѣхъ почти сраженіяхъ, за храбрость награжденъ былъ орденомъ св. Анны 4-й степени и произведенъ въ подпоручики, а возвратясь изъ похода, по болѣзни, въ этомъ же чинѣ уволенъ въ отставку въ 1800 году.

Изъ этой кампаніи князь вынесъ небольшой тѣлесный недостатокъ: это была едва замѣтная при маломъ его ростѣ кривизна спиннаго столба, вслѣдствіе чего онъ держалъ голову обращенною къ правому плечу. Во время перехода войскъ чрезъ горы, Любецкій поскользнулся на самомъ краю пропасти и спасся только тѣмъ, что

всею силою ухватился одною рукой за близь стоявшее дерево; усиліе это причинило вывихъ хребтовой кости.

Въ 1806 году князь назначенъ былъ членомъ гродненскаго комитета объ устройствѣ евреевъ, и, состоя въ этой должности, избранъ въ 1810 году гродненскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Это скромное провинціальное званіе было первою ступеню, поведшей прямо къ блестящей карьерѣ.

Въ описываемое время тамошній край, недавно еще присоединенный къ имперіи, находился въ состояніи переходномъ отъ одной формы политическаго быта къ другой, рѣзко различествовавшихъ между собою. Хотя за Литвой и оставлены были ея законы (Литовскій Статутъ) и привилегіи дворянства, но въ примѣненіи началъ новаго управленія къ мѣстности, при совершенномъ незнаніи ея новыми администраторами, на всякомъ шагу возникали недоразумѣнія и даже столкновенія. Чувствовалась необходимость устранить эти разнорѣчія и для этого исходатайствовать у верховной власти принятіе различныхъ мѣръ къ соглашенію новаго порядка съ обстоятельствами. Для такого ходатайства гродненское дворянство признало необходимымъ отправить въ столицу одного изъ своей среды, въ качествѣ уполномоченнаго выборнаго. Таковымъ былъ князь Любецкій, извѣстный по своему уму и усердію къ общей пользѣ.

При томъ-же онъ былъ однимъ изъ предводителей дворянства, владѣлъ русскимъ языкомъ, что тогда было большою рѣдкостью, а какъ происходящій изъ рода русскихъ князей и бывшій суворовскій воинъ, соединялъ въ себѣ всѣ условія „избраннаго лица“.

Князь колебался въ принятіи порученія, будучи занятъ устройствомъ своихъ фамиліальныхъ дѣлъ. Однакожъ уступилъ просьбамъ согражданъ, главнѣйше-же настояніямъ своего уважаемаго друга, моего покойнаго отца.

Антоній Пржецлавскій находилъ, что для такого человѣка, какъ Любецкій, нужна болѣе обширная сфера, гдѣ могли бы узнать и оцѣнить его достоинства. И такъ, снабженный подробными инструкціями, Любецкій отправился въ Петербургъ, куда прибылъ въ ноябрѣ 1810 г. Онъ тамъ пробылъ по упомянутому дѣлу не малое время. Вотъ въ сущности собственныя слова князя объ этомъ пребываніи и его послѣдствіяхъ:

— „Предметы ходатайства дворянства были вообще рациональны и справедливы. Они касались болѣе уравнительнаго распредѣленія повинностей, улучшенія средствъ сообщенія, развитія нѣкоторыхъ примѣненій выборнаго начала, болѣе точнаго опредѣленія круга дѣйствій и отношеній судебной части къ администраціи, и т. п. Всеподдан-

нѣйшую просьбу дворянства я имѣлъ счастье представить лично на аудіенціи императору. Александръ Павловичъ принялъ меня очень милостиво. Разспросивъ подробно о моемъ участіи въ суворовской кампаніи, вѣѣмъ о положеніи представляемаго мною края, государь сказалъ, что просьба будетъ принята къ разсмотрѣнію и что по каждой изъ статей потребованы будутъ отъ меня подробныя объясненія.

„Въ продолженіе переговоровъ съ министрами, длившихся цѣлыя мѣсяцы и потребовавшихъ сношеній съ мѣстными властями, у меня оставалось много свободного времени. Я употреблялъ его на заведеніе полезныхъ знакомствъ, въ томъ числѣ съ всемогущимъ тогда Сперанскимъ, на ближайшее ознакомленіе съ правительственнымъ механизмомъ, главнѣйше-же на изученіе Россіи, которую я оставилъ при самомъ выходѣ изъ кадетскаго корпуса.

„Какъ разъ встати я у одного букиниста нашелъ французское in-folio, именно къ тому подходящее. Это было чрезвычайно точное и подробное описаніе Россіи, составленное кѣмъ-то очень свѣдущимъ для императора Наполеона, по порученію его посланника въ Петербургѣ. По этой книгѣ, составляющей теперь библиографическую рѣдкость, я ознакомился съ Россіею во всѣхъ отношеніяхъ, быть можетъ, ближе чѣмъ ее знали многіе изъ ея сановниковъ. По крайней мѣрѣ, въ разговорахъ съ ними, я возбуждалъ удивленіе знаніемъ мало извѣстныхъ имъ подробностей провинціальной жизни и народнаго быта.

„Въ качествѣ уполномоченнаго отъ дворянства, я бывалъ во дворцѣ на выходахъ и всякій разъ государь милостиво заговаривалъ со мною. Съ министрами полиціи, генераломъ Балашовымъ, который (кажется, по собственной охотѣ) имѣлъ за мною ближайшій надзоръ, я коротко познакомился, и онъ мнѣ сообщилъ, что я государю „нравлюсь“.

„Между тѣмъ, дѣло подвигалось: объясненія по немъ призваны были удовлетворительными и, по докладу министровъ, до которыхъ это касалось, на всѣ статьи ходатайства гродненскаго дворянства послѣдовало монаршее соизволеніе, съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которыя касаются общихъ интересовъ края, распространены были и на всѣ другія отъ Польши присоединенныя губерніи.

„Прежде чѣмъ я объ этомъ былъ извѣщенъ официально, явился Балашовъ и сообщилъ, что за мои труды на пользу края государь желаетъ назначить мнѣ награду и предоставляетъ выбрать или званіе камергера, или генеральскій чинъ.

„Я просилъ доложить его величеству, что за награду себѣ я почти всемилостивѣйшее соизволеніе на всѣ просьбы губерніи.

„Вслѣдъ за этимъ было мнѣ объявлено, что всѣ статьи ходатайства

высочайше утверждены, а же, указомъ 4-го сентября 1811 года, пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. На прощально-благодарственной аудіенціи, я былъ вполне обласканъ государемъ.

„Сообщивъ моимъ довѣрителямъ объ успѣшномъ исполненіи порученія, я нѣкоторое еще время оставался въ Петербургѣ и, отправясь оттуда, заѣзжалъ по дорогѣ въ мои имѣнія, а въ апрѣлѣ 1812 г. пріѣхалъ въ Вильну.

„Въ этомъ городѣ находился генералъ Барклай-де-Толли, готовяся къ предстоящей кампаніи. Посѣтивъ его, я засталъ генерала очень озабоченнымъ. Онъ только что получилъ царскій указъ о произведеніи экстреннаго набора рекрутъ въ Литовскомъ краѣ и уже приступилъ было къ распоряженіямъ. Мнѣ мѣра эта показалась не только нецѣлесообразною, но положительно вредною и я это главнокомандующему объяснилъ.

— „Въ здѣшнихъ губерніяхъ, — сказалъ я, — въ ожиданіи будущихъ событій, царствуетъ такой духъ, что новобранцы будутъ всѣ на сторонѣ непріятельскаго нашествія; къ каждому рекруту надо-бы приставить стражу, иначе побѣги въ массахъ и переходъ къ французамъ неминуемы“.

„Барклай-де-Толли былъ пораженъ моими словами, но не смѣлъ не исполнить указа. Тогда я посоветовалъ отправить курьера съ представленіемъ о неудобствѣ набора и со ссылкою на мои о томъ замѣчанія. Онъ меня послушался и съ обратнымъ курьеромъ получены были изъ Петербурга: царское повелѣніе объ отмѣнѣ набора, а для меня знаки ордена св. Анны 1-й степени, при рескриптѣ отъ 21-го апрѣля 1812 года“.

Въ послужномъ спискѣ объ этой наградѣ упоминается въ принятыхъ общихъ выраженіяхъ; только изъ разсказа самого князя мы узнаемъ истинный поводъ такой необыкновенной монаршей милости.

Такъ быстро, въ нѣсколько мѣсяцевъ, подвинулась карьера отставнаго армейскаго подпоручика.

Вотъ первый изъ тѣхъ нѣсколькихъ случаевъ, гдѣ Любецкій, въ интересѣ правды и государственной пользы, не страшился высказывать и поддерживать свое убѣжденіе, идущее въ разрѣзъ объявленной высочайшей воли.

II.

Между тѣмъ гродненское дворянство, 14-го декабря 1812 года, избрало его заочно своимъ губернскимъ предводителемъ и по этому званію онъ считался членомъ губернскаго о военныхъ потребностяхъ комитета.

При нашествіи непріятеля, князь Любецкій, оставаясь вѣрноподаннымъ, удалился съ главною квартирою во внутрь Россіи и включайшимъ указомъ причисленъ къ министерству полиціи. По изгнаніи же непріятеля, былъ назначенъ, 13-го января 1813 года, исполняющимъ должность гродненскаго гражданскаго губернатора. Отъ этой должности князь былъ отозванъ въ главную квартиру государя, въ городъ Калишъ, и 2-го марта того-же года назначенъ членомъ временнаго верховнаго совѣта герцогства Варшавскаго (теперешняго Царства Польскаго) и поручено ему было управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ январѣ 1815 года князь былъ вторично избранъ гродненскимъ предводителемъ дворянства, но, по службѣ въ Польшѣ, въ должность эту не вступалъ. По образованіи же Царства Польскаго— „изъ членовъ верховнаго совѣта облеченъ, между прочими, въ званіе царскаго намѣстника“ ¹⁾.

По учрежденіи въ Царствѣ постоянного правительства изъ тамошнихъ уроженцевъ, князь Любецкій отъ временной въ немъ службѣ былъ уволенъ. Въ январѣ 1816 года назначенъ гродненскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а въ іюнѣ того же года опредѣленъ комиссаромъ отъ Имперіи и Царства въ ликвидационную комиссію, учрежденную въ Варшавѣ отъ трехъ союзныхъ дворовъ, вслѣдствіе Вѣнскаго трактата. Въ томъ же мѣсяцѣ Любецкій назначенъ былъ виленскимъ гражданскимъ губернаторомъ, но въ должность эту не вступалъ, а продолжалъ заниматься въ Варшавѣ по упомянутому порученію. Въ августѣ 1817 года послѣдовало назначеніе его предсѣдателемъ, со стороны Россіи, комитета, для расчета между Имперіею и Царствомъ.

Назначеніе виленскимъ губернаторомъ составляетъ въ служебной карьерѣ князя Любецкаго безпримѣрную особенность. Въ управленіе губерніею онъ никогда не вступалъ, но въ званіи начальника ея оставался около семи лѣтъ, въ томъ числѣ болѣе двухъ лѣтъ даже и по назначеніи министромъ финансовъ Царства. Во все это время губернія ни разу не видала своего правителя; мѣсто его заступали, въ разное время, вице-губернаторы (предсѣдатели казенной палаты). Этой

¹⁾ Подлинныя слова послужнаго списка.

административной аномалии была причиной особая царская милость. Государь желалъ, чтобы Любецкій продолжалъ считаться вильнскимъ губернаторомъ для того, чтобы, исполняя болѣе важныя порученія, могъ пользоваться значительнымъ столовымъ доходомъ съ казеннаго имѣнія, присвоеннымъ этому званію ¹⁾. Мѣстные жители этой комбинаціи не понимали. Въ надававшемся тогда въ Вильнѣ юмористическомъ листкѣ „Уличныя Вѣдомости“ (Wiadomości Brukowe) являлись статьи о гуверниерѣ, пользующемся хорошимъ содержаніемъ и прекраснымъ столомъ, но необязанномъ даже видѣть въ глаза своихъ воспитанниковъ. Впрочемъ, вильняне сѣтовали объ отсутствіи князя; зная его, всѣ были убѣждены, что еслибы онъ былъ на мѣстѣ, то положилъ-бы преграду невыносимому произволу, съ какими Литва была тогда управляема выжившимъ изъ ума старикомъ, военнымъ губернаторомъ генераломъ Римскимъ-Корсаковымъ, управляемымъ въ свою очередь, продажными чиновниками, а наиболѣе—женою одного изъ нихъ, Р**. Это описано мною подробно въ другомъ мѣстѣ.

Засимъ приводимъ точныя слова послужнаго списка: „По встрѣтившимся затрудненіямъ къ окончанію съ иностранными державами расчетовъ въ Варшавѣ, въ сентябрѣ 1818 года, его императорскимъ величествомъ вызванъ князь Любецкій въ г. Аханъ, гдѣ былъ тогда съѣздъ союзныхъ государей, и уполномоченъ къ ликвидационнымъ расчетамъ ²⁾ съ прусскимъ правительствомъ, каковыя расчеты Россіи и Царства Польскаго съ Пруссіею окончили заключенною въ Берлинѣ 10-го (22-го) мая 1819 года конвенціею“.

Вотъ что гласитъ законически офиціальный документъ, формулированный съ замѣчательною скромностію, самимъ Любецкимъ. Не пояснено въ немъ какіе громадные результаты заключаются въ одномъ этомъ словѣ: конвенція. Такъ сухо записанный, мертвый фактъ я, къ счастью, могу оживить подробностями разсказа самого князя объ этомъ важномъ событіи его доблестнаго поприща. Онъ говорилъ мнѣ:

— „Кампаніи 1813, 1814, 1815 годовъ повлекли за собою весьма сложные счета военныхъ расходовъ, понесенныхъ союзными державами, по мѣрѣ участія каждой въ общемъ дѣлѣ. Не знаю на какомъ основаніи, прежде окончательнаго расчета, Пруссія насчитывала значительныя суммы, яко-бы слѣдующія ей отъ Россіи; оба правительства были увѣрены въ правильности этой претензіи и дѣло шло только объ опредѣленіи цифры долга. Но, по нѣкоторымъ соображеніямъ и случайно полученнымъ даннымъ, я былъ убѣжденъ, что претензія Пруссіи есть иллюзія, возникшая отъ недоразумѣній, и что

¹⁾ Въ послужномъ спискѣ, разумѣется, мотивъ этотъ не объясненъ.

²⁾ По кампаніямъ противъ Наполеона.

не Россія и Царство Польское—Пруссія, а, напротивъ, эта держава имъ состоятъ должной. При всякомъ случаѣ я открыто высказывать эту увѣренность. Слухи объ этомъ дошли до государя и его величество велѣлъ вызвать меня въ Ахенъ.

„Принявъ меня на аудіенціи, Александръ Павловичъ спросилъ: „правдали-ли, что вы заявили такое убѣжденіе, какъ мнѣ доносить изъ Варшавы?“

— Правда, ваше императорское величество.

— „Можете-ли это доказать?“

— Увѣренность моя основана хотя и на достовѣрныхъ, но слишкомъ общихъ данныхъ; за всѣмъ тѣмъ, я убѣжденъ, что точная, подробная провѣрка счетовъ подтвердила бы мое мнѣніе.

— „Для этого будутъ вамъ даны всѣ средства“. Тутъ императоръ сказалъ нѣсколько очень для меня лестныхъ словъ на счетъ моего пребыванія въ Петербургѣ и дѣятельности въ Варшавѣ; потомъ прибавилъ: „повидайтесь завтра съ Капо д'Истріа ¹⁾ для дальнѣйшихъ объясненій“.

„Этотъ сановникъ, съ которымъ я не былъ знакомъ, принявъ меня сухо, даже съ отбѣнкомъ сарказма, сказалъ, что, по приказанію государя, будутъ мнѣ выданы полномочія для переговоровъ съ прусскимъ кабинетомъ, но прибавилъ, что его не мало удивить, если этотъ кабинетъ будетъ мною разувѣренъ въ томъ, въ чемъ онъ до сихъ поръ твердо убѣжденъ. По всему было видно, что министръ, въ данномъ случаѣ, неохотно исполняетъ волю монарха. Видя во мнѣ не officialнаго дипломата, а молодого гражданскаго губернатора, онъ не довѣрялъ мнѣ и даже довольно безцеремонно сказалъ: „знаете, князь, я имѣю претензію быть хорошимъ фнѳіономистомъ, и, по выраженію вашего лица, я почти увѣренъ, что вы насъ рассорите съ Пруссіей“ ²⁾).

— „Я постараюсь, графъ, чтобы на этотъ разъ ваша фнѳіогномія (лидегадавіе) оказалась ошибочною. Сколько мнѣ извѣстно, въ нашихъ взаимныхъ претензіяхъ съ Пруссією, отъ чрезвычайной запутанности счетовъ, есть много неопредѣленностей и недоразумѣній. При добросовѣстномъ съ обѣихъ сторонъ содѣйствіи, затрудненія эти должны

¹⁾ Министръ иностранныхъ дѣлъ.

²⁾ Лицо князя было очень замѣчательное: черты крупныя, глаза большіе, на выкатѣ, какъ у всѣхъ близорукихъ; голова большая, закинута назадъ; лобъ широкій, съ выдающимися органами (по теоріи Галля) высшей интеллигенціи и необыкновенной памяти идей. На макушкѣ, когда я звалъ князя—совершенно уже обнаженной, выдающійся органъ доброжелательства (bienveillance). Итогъ органовъ и общее выраженіе: обширный умъ, энергія, львиная отвага и доброта.

быть сведены къ чисто-цифровой задачѣ, разрѣшимой простою ариметическою операціей. Въ такомъ положеніи дѣла я не предвижу повода къ разрыву между дружественными державами, такъ какъ не допускаю, чтобы одна или другая стала оспаривать ариметическую истину“.

„И такъ, мы разстались болѣе чѣмъ холодно. Капо д'Истрія не преминулъ заявить предъ государемъ свое невыгодное обо мнѣ сужденіе, какъ о неопытномъ, самонадѣянномъ дѣятелѣ. Государь однакожь не измѣнилъ своего рѣшенія и я отправился въ Берлинъ.

„Тамъ, къ счастью, довелось мнѣ имѣть дѣло съ людьми умными и добросовѣстными. Всѣмъ извѣстны результаты провѣрки счетовъ и переговоровъ, окончившихся конвенціей, заключенною 10-го (22-го) мая 1819 года. Пруссія, вмѣсто того, чтобы получить, согласилась уплатить Россіи нѣсколько милліоновъ талеровъ, и, кромѣ того, мнѣ удалось заключить особую конвенцію, очень выгодную для Царства Польскаго въ торговомъ отношеніи.

„Подлинные протоколы этихъ договоровъ я отправилъ съ курьеромъ прямо къ императору, проводившему лѣто на Каменномъ островѣ. Въ тотъ день, когда государь получилъ мои депеши, онъ ничего не сообщилъ объ нихъ Капо д'Истріи, дожидаясь его на другой день съ докладомъ. Когда министръ явился, Александръ Павловичъ спросилъ: „нѣтъ-ли какихъ вѣстей изъ Берлина?“

— „Никакихъ, ваше императорское величество, да и врядъ-ли можно ожидать чего хорошаго“.

— „Я однакожь вчера получилъ отъ Любецкаго донесеніе. Вы были правы: дѣло запутывается“.

„Министръ-физіогномистъ восторжествовалъ и предлагалъ послать кого нибудь изъ официальныхъ дипломатовъ для поправленія дѣла. Тогда царь съ улыбкой подалъ ему полученныя отъ меня бумаги. По прочтеніи ихъ Капо д'Истрія остолбенѣлъ. Ему оставалось только признаться въ ошибкѣ; онъ это сдѣлалъ съ откровенностью и благодарствомъ, и, не щадя для меня похвалъ, сказалъ:

„Да, ваше величество лучше знаете людей чѣмъ я“.

„Этимъ онъ даже не удовольствовался; находясь въ Варшавѣ во время коронаціи императора Александра I-го, графъ Капо д'Истрія далъ для меня большой обѣдъ и на немъ, предложивъ тостъ въ честь моихъ успѣховъ въ Берлинѣ, разсказалъ предъ многочисленнымъ собраніемъ обстоятельства нашего перваго знакомства и свои на мой счетъ сомнѣнія, такъ краснорѣчиво опровергнутыя исходомъ дѣла“.

III.

Вскорѣ за этимъ Любецкому открытъ былъ кругъ дѣятельности по части, составлявшей его истинное призваніе. 19-го іюля 1821 года онъ былъ назначенъ министромъ финансовъ Царства Польскаго.

Въ этомъ уже званіи, оставаясь и императорскимъ комиссаромъ по расчетамъ съ иностранными державами (и виленскимъ гражданскимъ губернаторомъ), князь, въ февралѣ 1820 года, былъ посланъ въ Вѣну, для расчетовъ съ австрійскимъ правительствомъ. Онъ окончилъ ихъ съ такимъ же успѣхомъ какъ и ликвидацію съ Пруссіею. Заключенною княземъ 7-го (19-го) іюня 1820 года конвенціею Австрія признала себя должницею Россіи на значительную сумму. Въ томъ же характерѣ Любецкій, въ Варшавѣ уже, окончилъ продолжавшіеся съ давняго времени расчеты между Саксоніею и Царствомъ Польскимъ, съ значительной для послѣдняго выгодой. Представленный имъ проектъ конвенціи высочайше утвержденъ 20-го августа 1828 года.

Неожиданные успѣхи князя Любецкаго по ликвидаціямъ съ иностранными державами могли съ перваго взгляда казаться (да и показались министру иностранныхъ дѣлъ) невѣроятными; но для тѣхъ, которые близко его знали, это не имѣло ничего удивительнаго. Князь Любецкій ничего не говорилъ, чего зрѣло не обдумалъ; коль скоро же предсказывалъ такой, а не иной исходъ, то можно уже было быть увѣреннымъ въ его осуществленіи. Въ этомъ ручался составъ его умственнаго организма. Эта была счастливая совокупность эклектическихъ способностей, сосредоточенныхъ въ гениальной интеллигенціи съ присущимъ всегда чувствомъ безусловной правды.

Монархи трехъ державъ, которыхъ Любецкій разочаровалъ въ ихъ ариѳметическихъ иллюзіяхъ, взыскавъ съ нихъ въ пользу Россіи очень значительныя суммы, не остались неблагодарными за такую услугу. Онъ получилъ отъ нихъ ордена: австрійскій Леопольда 1 ст., прусскій Краснаго Орла 1 ст. съ брилліантами, саксонскій фамиліи—Зеленаго Вѣнца. Дабы сразу покончить съ категоріей служебныхъ наградъ, прибавимъ, что въ тотъ же періодъ (1815—1829), Россійскими Государями пожалованы князю Любецкому: чинъ тайнаго совѣтника и ордена: св. Владиміра 2 ст., Бѣлаго Орла, св. Александра Невскаго, св. Владиміра 1 ст. Засимъ, во время нахождения въ Парижѣ, по особому порученію, пожалованъ ему, въ исходѣ 1835 года, чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, а по возвращеніи оттуда—брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго. Въ 1832 году пожалована пожизненная пенсія въ 36,000 злотыхъ изъ казны Цар-

ства Польскаго, а въ 1841 году—табакерка съ портретомъ Императора, съ брилліантами.

Для обстоятельнаго изображенія дѣятельности князя Любецкаго въ званіи министра финансовъ Царства Польскаго и полученныхъ имъ въ періодъ 1821—1831 годовъ блистательныхъ успѣховъ, потребовалось бы отдѣльное, объемистое сочиненіе. Эти успѣхи упрочили бы навсегда цвѣтущее состояніе края, если бы край этотъ, въ двѣ плачевныя эпохи (1830 и 1863 гг.), не былъ взволнованъ внутренними, самоубійственными смутами. Въ настоящемъ очеркѣ могутъ найти мѣсто лишь общія указанія на болѣе выдающіяся событія за время управленія князя Любецкаго.

Онъ, можно сказать, создалъ финансы въ Царствѣ, во всякомъ случаѣ привелъ ихъ въ наилучшее состояніе. Годъ отъ году увеличивалъ государственные доходы, не возвышая налоговъ. Напротивъ, упрочилъ благосостояніе края, открывъ возможность уплаты частныхъ долговъ, обременявшихъ всѣ имѣнія, безъ ихъ продажи. Это достигнуто основаніемъ на рациональныхъ началахъ и развитіемъ учрежденія земельного кредитнаго общества въ связи со введеніемъ всеобщей ипотечной системы и съ содѣйствіемъ банка. Въ такомъ положеніи дѣйствительная стоимость всѣхъ земельныхъ имѣній могла быть мобилизована и представляющія ее кредитныя бумаги, вполне обеспеченныя, замѣнили наличныя деньги и сразу возымѣли постоянный курсъ, застрахованный отъ колебаній, во всякомъ случаѣ — отъ пониженія. Организованіе Любецкимъ на совершенно своеобразныхъ началахъ польскаго банка открыло этому учрежденію широкое поле дѣйствія, далеко простиравшееся за предѣлы обыкновенныхъ банковыхъ операций, такъ что обороты его капиталовъ, находившихся въ постоянномъ движеніи и употребляемыхъ на разныя предпріятія общей пользы, имѣли благотворное вліяніе на развитіе въ краѣ промышленности и торговли. Эти важнѣйшіе двигатели народнаго богатства, въ управленіе Любецкаго, благодаря принятымъ имъ мѣрамъ, достигли такихъ успѣховъ, о какихъ до него никто и помышлять не могъ.

Государственные имущества и зависящія отъ нихъ части получили устройство, доведенное до возможнаго совершенства, и составили немаловажный источникъ дохода казны.

Кстати, о томъ, что сказано относительно промышленности, особенно фабричной, приведу здѣсь одинъ эпизодъ; онъ въ этомъ уже мѣстѣ разсказа дастъ понятіе о методѣ Любецкаго, употребляемомъ въ преніяхъ, методѣ, котораго полное изображеніе ждетъ насъ на аренѣ государственнаго совѣта.

Помимо существовавшей между Имперіей и Царствомъ границы, Любецкій, основываясь на принятомъ и торжественно провозглашенномъ принципѣ нераздѣльности Имперіи, исходатайствовалъ дозволеніе беспошлиннаго ввоза въ Россію суконъ изъ фабрикъ Царства. Издѣлія эти, по своей доброкачественности почти не уступавшія англійскимъ и французскимъ, при умѣренныхъ цѣнахъ, составляли вредную для російскихъ фабрикъ конкуренцію. Министръ финансовъ Имперіи, графъ Канкринъ, пожаловался на это императору Николаю, основывая свой протестъ на предположеніи, что такой маленький край, какъ Царство, не можетъ собственными средствами производить такъ много сукна, какъ его ввозится въ Россію. Поэтому, заключая, что большая часть его выдѣлывается въ Пруссіи и Австріи и только выдается за польское, графъ ходатайствовалъ, чтобы привозимое изъ Царства сукно считалось иностраннымъ и, какъ такое, обложено было бы соотвѣтственною пошлиною.

Для объясненій по этому навѣсту князь Любецкій былъ вызванъ въ Петербургъ, для рѣшенія же распри учрежденъ комитетъ, гдѣ два министра финансовъ выступали на арену: одинъ какъ истецъ, другой какъ отвѣтчикъ.

Но въ этомъ случаѣ графъ Канкринъ ошибся въ расчетѣ.

Тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, князь, по своему обыкненію, началъ съ тщательнаго изученія почвы и всѣхъ элементовъ вопроса. Отъ компетентныхъ людей онъ получилъ подробныя свѣдѣнія о состояніи суконныхъ фабрикъ въ Россіи, а свои зналъ нанзустъ. Въ первое же засѣданіе комитета, когда объясненъ былъ предметъ преній, князь Любецкій сказалъ:

— „Минуя на этотъ разъ вопросъ о тяжкомъ обвиненіи таможеннаго управленія въ Царствѣ въ допущеніи громадной контрабанды, какое обвиненіе прежде всего слѣдовало бы доказать,—я обращусь прямо къ количественному вопросу и позволю себѣ спросить г. министра финансовъ: сколько въ Имперіи существуетъ суконныхъ фабрикъ и сколько на нихъ выдѣлывается сукна?“

Къ отвѣту на это Канкринъ не былъ приготовленъ и отдѣливался общими мѣстами; князь возразилъ на это:

— „Для сравнительной оцѣнки производительныхъ силъ, свѣдѣнія эти необходимы, а какъ безъ нихъ нельзя продолжать разсмотрѣнія настоящаго дѣла, то я могу сообщить ихъ комитету“.

И тутъ, къ общему удивленію и къ немалому смущенію противника, князь Любецкій сталъ исчислять существующія въ Россіи фабрики, съ поименованіемъ мѣстностей и съ показаніемъ сколько въ каждой дѣйствуетъ станковъ и сколько выдѣлывается аршинъ сукна. За

тѣмъ перешелъ къ такому же исчисленію по Царству Польскому. Изъ сопоставленія этихъ цифръ съ отнесеніемъ ихъ къ числу народонаселенія обѣихъ странъ, оказалось: а) что производимое въ Россіи количество хорошаго сукна на много недостаточно для удовлетворенія мѣстной потребности; б) что число станковъ, дѣйствующихъ въ Царствѣ, на много болѣе, чѣмъ нужно для мѣстнаго потребленія, и достаточно для произведенія того излишка, который ввозится въ Имперію, такъ что польскимъ фабрикамъ нѣтъ надобности прибѣгать къ контрабандѣ, и в) что если конкуренція польскихъ суконъ вредна для русскійскихъ фабрикъ, то это происходитъ не столько отъ количества, сколько отъ качества фабриката, и что вредъ этотъ самъ собою прекратится, если русское производство усилится въ количествѣ и улучшится въ качествѣ.

Послѣ такихъ объясненій, требовавшихъ только провѣрки приведенныхъ княземъ данныхъ, и которыя оказались вполнѣ точными, комитету оставалось уже не много дѣла. По его заключенію, высочайше утвержденному, положеніе оставлено по прежнему безъ измѣненій.

По окончаніи этого дѣла, князь, по какимъ-то другимъ, оставался еще нѣкоторое время въ Петербургѣ. Въ свитѣ его пріѣхали въ первый разъ въ столицу два изящные представителя молодежи высшаго варшавскаго общества: князь Левъ Сапѣга и Адамъ Ланскій. Княземъ Любецкимъ они представлены ихъ величествамъ и пожалованы въ камеръ-юнкеры польскаго царскаго двора ¹⁾.

Въ это время часто при высочайшемъ дворѣ бывали балы и танцевальныя вечера; оба молодые варшавяне удостоились быть кавалерами для танцевъ императрицы Александры Оеодоровны, на смѣну съ постояннымъ кавалеромъ ея величества (нынѣ покойнымъ) Туркуломъ ²⁾.

¹⁾ Мундиръ ихъ и камергеровъ отличался отъ мундировъ кавалеровъ императорскаго двора тѣмъ, что былъ изъ снѣгаго сукна, съ малиновымъ воротникомъ и серебрянымъ шитьемъ. Польскій дворъ упраздненъ въ 1831 году.

²⁾ Ланскій въ послѣдствіи былъ министромъ финансовъ Царства, а затѣмъ министромъ статсъ-секретаремъ въ Петербургѣ и членомъ государственнаго совѣта. Сапѣга, владѣтель большихъ помѣстій въ Галиціи, занималъ тамъ значительныя общественныя положенія, въ особенности же отличился дѣятельностью по распространенію въ тамошнемъ краѣ желѣзныхъ дорогъ.

IV.

Съ самаго назначенія князя министромъ финансовъ по день оставленія этого поста, послужной его списокъ наполняется монаршими благоволеніями и похвалами, объявляемыми ему министромъ статсъ-секретаремъ Царства, намѣстниками и государственнымъ вице-канцлеромъ. Въ моемъ экземплярѣ послужнаго списка отзывы эти занимаютъ цѣлыхъ двадцать страницъ письма въ листъ и поэтому для настоящаго очерка я могу привести ихъ только въ итогахъ и въ возможно сжатомъ экстрактѣ, но съ сохраненіемъ собственныхъ государевыхъ словъ. Любецкій получилъ отъ императоровъ: Александра I (1821—1825) восемь, а отъ Николая I (1826—1830) одиннадцать—итого девятнадцать благоволеній. Это объявлялось ему именно: за приведеніе въ порядокъ крайне до того времени запутанныхъ счетовъ по доходамъ и расходамъ; за составленіе ежегодныхъ бюджетовъ съ значительными сбереженіями и благоразуміемъ; за постепенное, непрерывное умноженіе доходовъ отъ неокладныхъ сборовъ и отъ казенныхъ имѣній безъ увеличиванія налоговъ (съ 1822 по 1826 годъ на 5,608,201 золотыхъ); за пополненіе недоимокъ прежнихъ лѣтъ; за погашеніе казенныхъ долговъ въ 4,557,015 суммою 2,399,915 золот.; за постоянный излишекъ доходовъ противъ расходовъ; за предоставленіе въ 1827 году въ распоряженіе его величества новаго капитала въ 1,118,415 зл.; за участіе Царства Польскаго въ внѣшнемъ займѣ по случаю турецкой кампаніи въ 1828 году и т. п., и т. п. При томъ считаю не лишнимъ изъ упомянутыхъ документовъ, пропуская обыкновенныя стереотипныя, извлечь слѣдующія собственныя выраженія монарховъ: Александра I-го (1823 г.): „что князь Любецкій съ давняго времени приобрѣлъ благосклонность его императорскаго величества и что настоящія новыя заслуги даютъ ему новое на это право“. (1824 г.): „Государь, удостовѣрься о постоянномъ улучшеніи казны Царства Польскаго, изволилъ найти.... новыя причины къ поздравленію себя, что управленіе сею частью поручилъ талантамъ и ревности князя Любецкаго“. (1825 г., апрѣля 18-го): „Государь повторяетъ ему увѣреніе въ томъ монаршемъ благоволеніи, котораго въ многихъ дѣлахъ соизволилъ уже его удостоить“.—Николай I-го (1826 г., января 26-го): „Государь.... усмотрѣвъ, что съ 1817 года доходы безпрестанно упали, а съ начала 1822 года, подъ управленіемъ князя Любецкаго, постоянно возвышаются, изволилъ приписать сіе непрерывному усердію и благоразумію.... князя.... объявляя ему высоко-монаршее благоволеніе; его величество въ особенности повторяетъ таковое за новое возвышеніе.... неокладныхъ доходовъ“.

(1826 г., мая 11-го): „Государь, усматривая, что казна Царства Польскаго поставлена на новой степени благосостоянія, находить удовольствіе сія полезныя послѣдствія приписать дѣятельности князя Любецкаго, равно неистощимому усердію и стараніямъ его. Его величество чрезвычайно доволенъ означенными послѣдствіями и желаетъ, чтобы князь продолжалъ и на будущее время съ непоколебимостью тотъ же образъ управленія во всѣхъ отношеніяхъ“, и т. п., и т. д.

По организаціи, учрежденной въ 1815 году, Царства Польскаго, административныя власти назывались не министерствами, а правительственными комиссіями, управляющимъ же этии частями присвоено было названіе главныхъ директоровъ, предсѣдательствующихъ въ комиссіяхъ. Титулъ министра не былъ офиціальныи и употреблялся только приватно, для краткости. Эта коллегіальность управленія могла лишь замедлять ходъ дѣлъ и стѣснять такого дѣятеля какъ князь Любецкій. Пользуясь полнымъ довѣріемъ монарха и увѣренный въ собственныхъ силахъ, онъ вскорѣ высвободился изъ этихъ узъ, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ распоряжался самостоятельно; коллегіальность осталась только номинальною. Сужденію комисіи предоставлялись одни рутинные предметы и вопросы, терпящіе время. Сначала это возбуждало нѣкоторый ропотъ, но вскорѣ, видя успѣхи министра и его твердое намѣреніе дѣйствовать по усмотрѣнію, члены комисіи (подчиненные ему директоры департаментовъ) убѣдились въ бесполезности общихъ присутствій и тѣмъ легче примирились съ новымъ положеніемъ, что оно давало имъ болѣе времени для занятій по ихъ частямъ.

Варшава и Царство не сразу отдали Любецкому полную справедливость. Надо знать, что, не смотря на историческій фактъ уніи Литвы съ Короной ¹⁾ и на сантиментальныя разглагольствованія объ искреннемъ сліянніи двухъ народовъ, всегда между ними чувствуется закваска легкой зависти и соперничества. Особенно трудно, чтобы короніашъ призналъ равенство съ собой, а тѣмъ паче превосходство надъ собой литвина, какъ бы оно и ни было неоспоримо. Самый краснорѣчивый примѣръ такого племеннаго предразсудка — на Мицкевичъ ²⁾. Тотъ же первородный грѣхъ тяготѣлъ и на князѣ Любецкомъ. Притомъ Варшава съ давнихъ временъ славится сплетничествомъ *sui generis*; оно съ вѣками усовершенствовалось до художественной утонченности. По исчерпаніи мѣстныхъ сюжетовъ, оно съ жадностью накидывается на всякія новыя явленія и тогда въ своихъ фипціяхъ возносится до поэтической легенды. О Любецкомъ

¹⁾ Такъ популярно называется край, составляющій древнюю Польшу.

²⁾ Смотри мой «Калейдоскопъ Воспоминаній», Москва, изд. 1872. г. О. П.

сначала ходили въ городѣ и распространялись по провинціямъ самыя фантастическія сказки. Онъ, конечно, не обращалъ на нихъ никакого вниманія, но нужно было нѣсколько лѣтъ его управленія съ громадною осязательною пользою для края, чтобы тотъ простилъ ему наконецъ литовское происхожденіе ¹⁾.

Князь Любецкій (грустно сказать), въ своемъ доблестномъ стремленіи къ общей пользѣ, не избѣгнулъ обычной участи людей добра и правды. На всякомъ шагу онъ встрѣчалъ подводные камни и одинъ изъ нихъ былъ такого рода, что угрожалъ ему крушеніемъ; никто на его мѣстѣ не дошелъ бы, быть можетъ, и до половины поприща. Одинъ Любецкій, со своимъ античнымъ характеромъ, съ своей неустрашимостью, могъ устоять и устоялъ до конца на опасномъ посту, не согнувшись ни на волосъ....

Я здѣсь не разумѣю преградъ, встрѣчаемыхъ отъ мѣстныхъ непониманій, отъ предубѣжденій устарѣвшей рутинѣ; съ ними каждому благонамѣренному преобразователю приходится бороться и ломать все до основаній, прежде чѣмъ начать возводить зданіе новой системы. Съ этимъ Любецкій скоро покончилъ, не обращая вниманія на гусыные крики; но его ждалъ на пути опасный и весьма трудный къ одолженію рифъ: онъ заключался въ личности великаго князя Константина Павловича.

Въ странѣ, имѣющей свою хартію, свой парламентъ и всѣ конституціонныя учрежденія, поселился цесаревичъ на постоянное пребываніе въ качествѣ главнокомандующаго польскою арміею ²⁾.

Въ этомъ характерѣ, его высочество не имѣлъ прамого отношенія ни къ какой, кромѣ военной, части управленія. Но тѣмъ, не менѣе, личное высокое его положеніе и какъ царскаго брата, и какъ пред-

¹⁾ Князь мнѣ рассказывалъ, что въ Варшавѣ, гдѣ его еще немногіе въ лицо знали, бывъ только что назначенъ министромъ и не успѣвъ обзавестись, онъ разъ зашелъ пообѣдать за общимъ столомъ въ известномъ ресторанѣ. Не нашелъ тамъ никого знакомаго, но засталъ оживленный разговоръ на свой счетъ. Одинъ пріѣзжій изъ провинціи болѣе другихъ лекламиралъ противъ назначенія князя, утверждая, что отъ литвина ничего хорошаго ожидать нельзя. Притомъ рассказавъ, что онъ арендуетъ одно казенное питеіе и поэтому имѣетъ дѣло въ министерствѣ фпансовъ. На другой же день онъ явился съ прошеніемъ къ новому министру и каково было его положеніе, когда узналъ въ немъ вчерашняго сотрапезника! Князь притворился, что не узнаетъ его, обладалъ бѣднаго провинціала и удовлетворилъ его просьбу, которая оказалась основательною. Послѣ этого литвинофобъ сдѣлался пламеннымъ сторонникомъ Любецкаго.

²⁾ Объ аномаліи такой комбинаціи, гдѣ армія въ 40,000 челов. поляковъ осуждена была на прозаканіе въ бездѣйствіи, смотри мои «Воспоминанія» въ «Русской Старинѣ» изданія 1874 года, томъ XI, стр. 665—693. О. П.

полагаемаго наслѣдника всероссійскаго престола, не могло не давать ему большаго, хотя косвеннаго вліянія на общій ходъ дѣлъ. Это вліяніе могло бы даже приносить важную пользу, если бы Константинъ Павловичъ, сочувствуя интересамъ страны, положилъ себѣ задачей содѣйствовать ея благосостоянію, не препятствуя, по крайней мѣрѣ, распоряженіямъ мѣстныхъ властей, стремящихся къ этой цѣли. Но обстоятельства сложились иначе. Цесаревичъ, къ несчастію, былъ окруженъ людьми иныхъ воззрѣній.

Самою вліятельною изъ таковыхъ личностей былъ сенаторъ Н. Н. Новосильцевъ. Онъ страстно ненавидѣлъ все польское, открыто осуждалъ учрежденіе Царства и въ особенности былъ личнымъ заклятымъ врагомъ и завистникомъ Любецкаго. Онъ не могъ простить ему монаршаго расположенія, занимаемаго сана, а болѣе всего—успѣховъ въ ликвидаціонномъ дѣлѣ, которое, какъ думалъ Новосильцевъ, по праву принадлежало ему, какъ официальному дипломату. Новосильцеву не трудно было предубѣдить великаго князя противъ прямодушнаго, гнушавшагося интригою Любецкаго, и введенный въ заблужденіе цесаревичъ сильно содѣйствовалъ къ тому, чтобы уронить князя въ мнѣніи государя и отдалить его отъ занимаемаго поста.

Козни Новосильцева были извѣстны Любецкому, но онъ мало объ нихъ заботился. Онъ, какъ морскія волны объ скалу, разбивались объ его желѣзную натуру, и ни на шагъ не остановили его стремленія къ полезнымъ нововведеніямъ. Внимательство „императорскаго комисара“ въ дѣла его управленія онъ отклонялъ строгою законностью, и права своего положенія отстаивалъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ, которое никогда не измѣняло ему. Чтоже касается до махинацій къ поврежденію ему въ мнѣніи государя, то всякіе навѣты опровергались сами собою, то есть живыми фактами и цифрами.

Такое ненормальное положеніе продолжалось нѣсколько лѣтъ, пока, наконецъ, не наступилъ въ немъ кризисъ, разрѣшившійся самымъ неожиданнымъ исходомъ. Вотъ какъ этотъ эпизодъ былъ мнѣ разсказанъ Любецкимъ:

— „Одно мое распоряженіе по министерству финансовъ было перетолковано великому князю въ превратномъ и для меня предосудительномъ видѣ. Цесаревичъ, по извѣтамъ Новосильцева, счелъ своей обязанностью въ такомъ же смыслѣ войти объ этомъ съ представленіемъ къ государю. Узнавъ объ отправленіи въ Петербургъ такого донесенія, я, не дожидаясь, чтобы отъ меня потребовали объясненія, поспѣшилъ противъ обвиненія представить всеподданнѣйшій докладъ съ подробнымъ изложеніемъ дѣла и побудительныхъ причинъ къ сдѣланному распоряженію. Я это призналъ необходимымъ изъ опасенія, чтобы

по одностороннему, неправильному донесенію не могло послѣдовать какого нибудь высочайшаго повелѣнія въ отнѣну мѣры, которая считалась мною очень нужною. Императоръ Александръ, получивъ оба доклада почти въ одно время, одобрилъ вполне мое распоряженіе, а цесаревичу по этому случаю, вѣроятно, сдѣлано было замѣчаніе. Это его крайне противъ меня возстановило и онъ не скрывалъ своего озлобленія. Въ городѣ разнесся слухъ, что, вслѣдствіе ссоры съ великимъ княземъ, я буду немедленно удаленъ изъ Варшавы.

„Черезъ два или три дня по полученіи изъ Петербурга рѣшенія распри, является ко мнѣ начальникъ штаба цесаревича, генералъ Курута. Съ величайшею покорностію и нескончаемыми извиненіями, онъ говоритъ, по французски, что присланъ съ самымъ тяжелымъ порученіемъ. Онъ имѣетъ приказаніе объявить мнѣ отъ имени цесаревича, que: „Son Altesse Imperiale me tient pour un infame, parce que je fais tout pour le brouiller avec son auguste Frère ¹⁾“.

„Такъ какъ я ничего не отвѣчалъ и только сдѣлалъ прощальный жестъ, то генералъ прибавилъ, что имѣетъ повелѣніе донести, какъ слова эти были мною приняты, и потому ждетъ моего отвѣта. Я сказалъ: „извольте доложить государю цесаревичу, что за мною нѣтъ той вины, которая мнѣ приписывается, что, слѣдовательно, объявленное вами мнѣніе цесаревича обо мнѣ—ошибочно, и что какъ по этому, такъ и потому, что моя репутація давно уже упрочена, слова его высочества могутъ лишь огорчать, но не въ состояніи оскорбить меня“. На вопросъ же Куруты: не имѣю-ли чего прибавить? я отвѣчалъ, что сказанное есть послѣднее мое слово.

„По возвращеніи во дворецъ, Курута было подробно допрошенъ и сказалъ, что исполнилъ приказаніе въ точности, по во мнѣ не замѣтилъ никакого волненія: во все время свиданія я продолжалъ спокойно курить трубку. Цесаревичъ только воскликнулъ: ah, quel homme, quel homme! Это мнѣ въ послѣдствіи разсказалъ генералъ.

„Дня черезъ два, тотъ же Курута явился и сообщилъ, что великій князь зоветъ меня къ себѣ на такой-то часъ. Константинъ Павловичъ принялъ меня въ присутствіи того же генерала и двухъ или трехъ другихъ лицъ изъ своего штата. Новосильцева не было. Завязался слѣдующій разговоръ.

Великій князь. Ну, Любецкій, помиримся! (протягиваетъ руку). Я (не подавая руки). Я не могу мириться, потому что въ моемъ

¹⁾ Что его императорское высочество считаетъ меня человѣкомъ безчестнымъ за то, что я всячески стараюсь рассорить его съ августѣйшимъ братомъ.

относительномъ къ вашему императорскому высочеству положеніи я и ссориться не могъ.

Великій князь (обращаясь къ присутствующимъ). Что, не говорилъ-ли я? Это такой человекъ, что, обидѣвши меня, заставитъ еще просить у него же прощенія!

„Помолчавъ съ минуту и глядя пристально на меня, великій князь вдругъ подбѣгаетъ, бросается мнѣ на шею и, крѣпко нѣсколько разъ цѣлуя, восклицаетъ:

— „Ну, Любецкій, все кончено, все забыто! Мы съ тобой старые суворовскіе солдаты, живемъ же какъ добрые товарищи!“¹⁾

„Я тутъ же испросилъ себѣ на завтрашній день особую аудіенцію и на ней объяснилъ во всей подробности дѣло, которое было послѣднимъ между нами камнемъ преткновенія. Убѣдившись въ моей правотѣ, его высочество сказалъ, что дѣло было ему не такъ доложено и что, на будущее время, по всякому навѣсту будетъ отъ меня требовать личнаго объясненія. Въ душѣ это былъ человекъ добрый и справедливый, но, къ сожалѣнію, очень дурно окруженный.

„Такую трогательною развязкой окончились неблагопріятныя отношенія къ великому князю; въ послѣдніе годы министерства я уже пользовался его довѣріемъ и, могу сказать — дружбой. Она укрѣпилась еще дружбой княгини Ловичъ съ княгиней Любецкою. Новосильцевъ усыхалъ отъ безсильной злобы“.

Въ описываемое время, слава князя Любецкаго, какъ геніальнаго министра, перешла за предѣлы Царства, проникла во внутрь и въ самыя отдаленныя мѣста Россіи. Въ такомъ дальнемъ пути слава эта, какъ со всѣми вѣстями бываетъ, приняла фантастическіе размѣры и сказочный характеръ. Когда, въ 30-хъ годахъ, я бывалъ по дѣламъ въ Тверской и другихъ губерніяхъ, то меня, какъ жителя столицы, всѣ, съ кѣмъ пришлось имѣть дѣло, спрашивали: скоро-ли князь будетъ назначенъ министромъ финансовъ Имперіи, что, по ихъ мнѣнію, должно было послѣдовать непременно. „Вѣдь онъ,—говорили наивные провинціалы,—выдумалъ такія мѣры, что всѣ долги можно заплатить безъ денегъ, и что не нужно будетъ никакихъ податей“. Такъ на пути въ глубь Россіи переродились смутныя понятія о земельномъ кредитномъ товариществѣ въ Царствѣ, объ ипотекахъ, о развитіи промышленности и торговли, объ операціяхъ польскаго банка. Въ просвѣщенной же части русскаго общества Любецкій оцѣненъ былъ по достоинству и назначеніе его министромъ послѣ графа Гурьева и

¹⁾ Константинъ Павловичъ участвовалъ въ итальянской кампаніи 1799 г.

даже на мѣсто графа Канкрина было предметомъ всеобщаго желанія. Здѣсь кстати будетъ привести слѣдующее. Въ одинъ изъ годовъ, при разсмотрѣніи финансоваго отчета въ государственномъ совѣтѣ, извѣстный, всѣми уважаемый, адмиралъ графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ высказалъ разные вредно вліяющіе недостатки по этой части управленія. Императоръ Николай велѣлъ спросить адмирала, не можетъ ли онъ указать средства къ улучшенію положенія? Мордвиновъ отвѣчалъ, что есть средство привести финансы Россіи въ цвѣтущее положеніе: оно состоитъ въ томъ, чтобы министромъ финансовъ назначить князя Ксаверія Францовича Друцкаго-Любецкаго.

О. А. Пржецлавскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Примѣчаніе. Приводимъ выдержку изъ того письма знаменитаго государственнаго мужа, адмирала гр. Н. С. Мордвинова, къ государю Николаю Павловичу, о которомъ упоминаетъ біографъ князя Любецкаго. Письмо это написано Мордвиновымъ по тому случаю, когда на одномъ изъ мѣстъ его, по новому законоположенію о чинахъ и проч., противу словъ: «не о томъ болитъ сердце русскаго народа», императоръ Николай собственноручно написалъ: «Весьма буду благодаренъ адмиралу Мордвинову, если сообщитъ мнѣ свои мысли и виды, какимъ образомъ вывести Россію изъ того положенія, въ которомъ ее нынѣ находитъ».

— «Вашему императорскому величеству, — отвѣтствовалъ Мордвиновъ, — благоугодно было повелѣть, дабы я изложилъ мысли мои и виды, какъ вывести Россію изъ страдательнаго ея положенія. По сему благоизволяющему нашего величества ко мнѣ вниманію, я долженъ, со всею откровенностію, исполнить священную для меня высокомонаршую волю и сказать то, что въ другомъ случаѣ могло бы почтено быть дерзновеніемъ.

«Съ перваго году царствованія блаженной памяти государя императора Александра I, до самой кончины его, и при царствованіи вѣснаго императорскаго величества, я рачительно излагалъ, по управленію финансами, мысли мои, основанныя на тѣхъ истинныхъ началахъ, кои могъ я познать въ продолженіе 60-ти лѣтъ прилежнаго и всегда постояннаго изученія науки финансовой. По тому рвенію, какое я употреблялъ, она должна была созрѣть и твердо укорениться въ понятіи моемъ, тѣмъ болѣе, что неизмѣнныя истины ея прилагалъ я всегда къ состоянію и ходу дѣлъ въ Россіи. Не теоріи въ мнѣніяхъ моихъ я излагалъ, но описывалъ настоящую бо-

лѣзнь, причины оной и способы излеченія. Но то были совѣты, а совѣты сіи, сколь бы полезны ни являлись, всегда будутъ тщетными, когда нѣтъ для нихъ исполнителя свѣдущаго и ревностнаго. При всѣхъ соревнованіяхъ и различныхъ видахъ, всѣ мои предложенія оставались бездѣйственными. Я испытывалъ гоненія и былъ удаляемъ; но никакая скорбь, никакія непріязненные встрѣчи, не могли погасить ревности и непоколебимой любви моей къ августѣйшимъ монархамъ моимъ, и я продолжалъ писать. Во многочислѣнн бумагахъ моихъ, въ продолженіе 30-ти лѣтъ подаваемыхъ, я истощилъ уже все мое знаніе. Теперь остается мнѣ заключать ихъ единою мыслию, но существенно полезнѣйшею, одною, могущею водворить въ Россіи спокойствіе и доставить всеобщее благоденствіе, съ удовлетвореніемъ и для отеческаго сердца вашего величества, пламеннѣющаго желаніемъ видѣть Богомъ дарованный вамъ народъ пользующимся въ полной мѣрѣ богатыми дарами, природою изобильно для того уготованными.

«Я осмѣливаюсь изложить сію мысль мою двумя престоноародными посланицами, ибо въ нихъ заключается великая и благотворная истина.

«Первая: «Не купи сего, купи приращіа».

«Вторая: «Ложка дегтю въ бочкѣ меду всю сладость испортитъ».

«Всевышній Творецъ одарилъ Россію необыкновеннымъ богатствомъ—и по пространному лицу ея, и въ нѣдрахъ, и въ небесахъ, распростертыхъ надъ оною, готовыхъ уплождать; но нѣтъ ока, видящаго, объемлющаго сіе изобиліе даровъ, могущаго съ успѣхомъ прикоснуться къ онымъ, и силою ума и радѣнія обратитъ ихъ на пользу.

«Но и сего для счастливой судьбы вашего императорскаго величества не недостаетъ. Вы, всеавгустѣйшій монархъ, имѣете человека—князя Ксаверія Фравцовича Друцкаго-Любецкаго,—одареннаго высокими познаніями, теплаго сердцемъ, дѣятельнаго, опытомъ извѣданнаго, каковыхъ вѣки томо производятъ. Извѣстно, что въ три прошедшіе вѣка считаютъ только трехъ великихъ правителей финансовъ: Сюлли, Кольберта и Питта. Между рожденіемъ каждаго изъ нихъ протекли столѣтія.

«Сравните, всемилостивѣйшій государь, Царство ваше Польское съ Россіею. Первое, въ малое число лѣтъ, изъ изнеможеннаго, скуднаго въ доходахъ состоянія, стяжало во всемъ изобиліе, частное довольство, а государственное казначейство—въ значительномъ избыткѣ. Россія же, при естественномъ ея великомъ богатствѣ, за всѣми обольщеніями, и процвѣтаніемъ ея, страдаетъ въ частныхъ и государственныхъ доходахъ.

«Тщетно будетъ дарованное природою богатство, тщетны будутъ совѣты, доколѣ не будетъ правителя, способнаго оными располагать и обращать ихъ на всеобщую пользу.

«Сими откровеннымъ изложеніемъ чувствъ и мысли моей: «чѣмъ болѣе сердце русскаго народа», чѣмъ, конечно, болитъ и сердце вашего

императорскаго величества, я исполняю высочайшую вашу волю, когда удостоили снисходящимъ ко мнѣ обращеніемъ, ознаменовывающимъ величіе души вашей. Вѣрноподанный в. н. величества графъ Николай Мордвиновъ.

Письмо это напечатано въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» изд. 1863 г., въ книгѣ II-й, смѣсь, стр. 150—152. Тамъ-же, стр. 140—149, помѣщено одно изъ мнѣній князя Ксаверія Друцкаго-Любецкаго, поданное имъ въ бытность членомъ государственнаго совѣта, именно: «объ оцѣнкѣ и продажѣ имѣній помѣщиковъ».

Гр. Мордвиновъ въ другомъ мнѣніи, поданномъ 22-го марта 1832 г., о вспоможеніи должникамъ, соглашаясь съ мнѣніемъ кн. К. Ф. Друцкаго-Любецкаго, вновь хвалитъ его финансовыя познанія и управленіе Царствомъ Польскимъ за время съ 1821 по 1830-й годъ.

Друцкой-Любецкій, кромѣ дружбы и уваженія со стороны Мордвинова, снискалъ любовь и почтеніе къ своему обширному уму и дарованіямъ—со стороны Алексѣя Петровича Ермолова, который зналъ князя Друцкаго-Любецкаго съ молодыхъ лѣтъ, когда служилъ съ нимъ въ Низовскомъ полку. См. превосходный историко-біографическій трудъ профессора В. С. Иконникова: «Гр. Н. С. Мордвиновъ», Спб., 8 д. изд. 1873 г., стр. 479, 550—552, 555, 556 и 562.

Ред.

КНЯЗЬ КСАВЕРІЙ ДРУЦКОЙ-ЛЮБЕЦКІЙ

1777—1846.

Воспоминанія О. А. Пржедлавскаго.

V ¹⁾.

17-го ноября 1830 года вспыхнулъ въ Варшавѣ мятежъ. Я не стану описывать подробностей этого печальнаго событія, недавно еще изложенныхъ на страницахъ „Русской Старины“ въ историческомъ очеркѣ Е. П. Карновича („Русская Старина“ изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 19—40 и 237—264). Въ первое время великій князь былъ въ опасности попасть въ плѣнъ, но вскорѣ во дворецъ къ нему подоспѣли находящіеся въ Варшавѣ полки императорской гвардіи и, въ главѣ ихъ, цесаревичъ, удались изъ города, расположились бивуаками въ нѣсколькихъ верстахъ, на Бѣянахъ. Въ самомъ началѣ, возстаніе-вспышка, затѣянная воспитанниками юнкерской школы, которой никто изъ порядочныхъ людей не сочувствовалъ, — не имѣло ничего серьезнаго. Оно сдѣлалось грознымъ тогда только, когда, вслѣдствіе отсутствія войскъ, толпа разбила арсеналъ и вооружилась. Любецкій, узнавъ о распоряженіи цесаревича, тотчасъ отправился къ нему и умолялъ возвратиться въ городъ, гдѣ находившимися при немъ войсками мятежъ былъ-бы немедленно подавленъ. Но Константинъ Павловичъ не согласился и сказалъ:

— „Les polonais n'ont pas voulu de moi—je ne veux pas les connaitre“.

Несчастливая фраза, одна изъ тѣхъ, которыя такъ часто „заѣдаютъ“ насъ: она стояла — десятилѣтней междоусобной войны и жизни многихъ тысячъ одноплеменныхъ подданныхъ одного монарха.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 625—648.

Затѣмъ Любецкій, ссылаясь на то, что былъ нѣкогда суворовскимъ офицеромъ, упрашивалъ дать ему два полка и головою отвѣчалъ, что укротить возмущеніе ранѣе, чѣмъ оно распространится на провинціи и проникнетъ въ польскую армію. Константинъ Павловичъ и въ этомъ отказалъ и вскорѣ съ своими полками удалился въ предѣлы Имперіи. Тогда уже потеряна была всякая надежда для оставшагося вѣрнымъ населенія и послѣдовало то, что всѣмъ извѣстно ¹⁾).

Вскорѣ возставіе, оставленное самому себѣ, перешло въ полный революціонный терроризмъ. Въ Варшавѣ коноводы и вооруженная толпа убивали кого нашли изъ приближенныхъ къ цесаревичу военныхъ, гражданскихъ чиновъ и другихъ лицъ, обвиняемыхъ въ преданности Россійскому правительству ²⁾. Однакожъ наиболѣе ненавистные матежникамъ: Новосильцевъ, шефъ жандармовъ генералъ Рожнецкій, генералъ-адъютантъ графъ Красинскій, успѣли спастись бѣгствомъ и прибыть въ Петербургъ. Любецкій, славившійся любимцемъ императора, находился въ большой опасности, но, пренебрегая ею, считалъ своимъ долгомъ оставаться до времени на мѣстѣ ³⁾. Онъ даже вошелъ въ составъ временнаго правительства, образовавшагося наскоро, для обузданія безпорядка и прекращенія кровопролитія. Любецкій кромѣ того имѣлъ въ этомъ цѣлю спасти отъ расхищенія хранившуюся въ кассѣ значительную сумму (до тридцати милліоновъ золотыхъ). Въ послѣднемъ онъ не успѣлъ: деньги сдѣлались добычею революціонной арміи. Затѣмъ, при первой возможности, выѣхалъ изъ Варшавы въ Петербургъ.

По пути онъ остановился въ Нарвѣ, откуда отправилъ къ министру статсъ-секретарю Царства депешу, извѣщая о своемъ намѣреніи прибыть въ столицу.

¹⁾ Смотри мои «Воспоминанія», «Русская Старина» изд. 1874 года, томъ XI, стр. 690 и слѣд.

²⁾ Варшавскія смуты 1830 года, отъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи событій этого рода, отличались одной замѣчательной особенностью: разъяренная чернь, убивая на улицахъ и врываясь въ дома ненавистныхъ ей личностей, не думала о грабежѣ.

³⁾ Вотъ еще характеристическая черта: однажды, въ самый разгаръ террора, Любецкій безбоязненно шелъ по улицѣ. Его остановилъ какой-то отчаянный революціонеръ, угрожалъ пистолетомъ и называя измѣнникомъ отечества. Князь, преспокойно взявъ сумасброда за руку, сказалъ: «Позвольте, м. г., вы говорите, что я измѣнникъ, а я утверждаю, что это не правда. Извольте доказывать ваше обвиненіе, а я буду оправдываться. Не выслушавъ меня, вы рискуете убить невиннаго, а это было бы и несправедливо, и неразумно». — «Вотъ еще, стану я васъ слушать! да кто васъ пересорируетъ? Убирайтесь къ чорту!» — воскликнувъ напавшій и побѣжалъ далѣе съ своимъ пистолетомъ. Этой сценѣ на улицѣ было много свидѣтелей.

По докладу объ этомъ графа Грабовскаго, государь велѣлъ спросить князя: въ какомъ характерѣ онъ прибываетъ? и объявить, что если ѣдетъ какъ делегатъ отъ мятежническаго правительства, то не будетъ принятъ. Любецкій отвѣчалъ, что онъ желаетъ представить-ся государю какъ министръ и тайный совѣтникъ его величества. Послѣ этого былъ ему разрѣшенъ прїѣздъ въ столицу, куда онъ и прибылъ 11-го декабря 1830 года.

Объ этомъ фазисѣ карьеры князя Любецкаго, въ послужномъ его спискѣ значится слѣдующее: „Во время бывшаго въ Царствѣ Польскомъ мятежа, князь Друцкой-Любецкій, сохраняя вѣрнопопданническія къ Е. И. В.—у чувства, когда не былъ въ состояніи, по долгу службы и присяги, противодѣйствовать злоумышленіямъ мятежниковъ, то вмѣстѣ съ другими, пребывшими вѣрными его величеству, членами правительства, вышелъ изъ состава онаго и, прибывъ 11-го числа декабря 1830 г. въ С.-Петербургъ, исполнялъ здѣсь высочайшія порученія“.

По прибытіи въ Петербургъ, князь, чрезъ графа Грабовскаго, испрашивалъ приватной аудіенціи. На докладъ объ этомъ государь отозвался, что нужно повременить и что день пріема будетъ назначенъ. Изъ того, что притомъ было сказано министру статсъ-секретарю, можно было заключить, что царь недоволенъ Любецкимъ и что ставить ему въ вину участіе въ мятежническомъ правительствѣ, не высказываясь однакоже рѣшительно и не требуя объясненія.

Въ ожиданіи пріема или возможности объясниться, Любецкій занялъ квартиру въ домѣ бывшемъ Чаплина (на углу Невскаго проспекта и Большой Морской). Я тамъ часто бывалъ у него. Онъ вполне сознавалъ, что состоитъ въ немилости, но сносилъ это со спокойнымъ духомъ, видя тутъ одно недоразумѣніе. По его убѣжденію, участіе во временномъ правительствѣ было исполненіемъ долга и службы, в челоуѣколюбія. Мнѣ князь сказалъ, что ему пріятно видѣть меня у себя, но что я рискую быть записаннымъ, такъ какъ наемный лакей, впускающій посѣтителей, ведетъ имъ помнянный списокъ. Я отвѣчалъ, что это покажетъ только „кому о томъ вѣдать надлежитъ“, что я имѣю честь бывать у Любецкаго. Разъ онъ показалъ мнѣ только что полученный нумеръ „Revue des deux mondes“; тамъ, въ статьѣ о польскомъ возстаніи, между прочимъ говорилось: „Lubecki, se favori de l'Empereur Nicolas“. Князь смѣясь сказалъ: „и французскіе публицисты увѣрены, что о всемъ имѣютъ вѣрныя свѣдѣнія! И вотъ какъ пишется исторія!“

Его часто посѣщали прибывшіе изъ Варшавы генералы графъ Красинскій и Рожнецкій; но изъ прежнихъ хорошихъ знакомыхъ,

мѣстныхъ сановниковъ, не бывалъ никто; ихъ относило въ сторону отъ дома Чаплина вѣявшимъ изъ Зимняго дворца сиверкомъ опалы.

Не смотря на то, что выше, изъ словъ послужнаго списка, приведено, я не замѣтилъ, чтобы князь занимался какими нибудь царскими порученіями. Ихъ, вѣроятно, и не было, они только ожидались, а между тѣмъ фраза эта была благовиднымъ предлогомъ для того, чтобы держать бывшаго министра въ бездѣйствіи. Во всемъ этомъ чувствовалось вліяніе Новосильцева, по уничтоженія въ Варшавѣ, переселившагося въ Петербургъ, а, къ сожалѣнію, для противодѣйствія этому вліянію, Константина Павловича уже не было; онъ умеръ въ 1831 году, холерою, въ Витебскѣ.

Проходили мѣсяцы безъ всякой вѣсти изъ дворца, и Грабовскому государю не напоминалъ о Любецкомъ.

Однимъ изъ отличительныхъ качествъ князя была неутомимая дѣятельность, и ею только можетъ объясниться громадность и разнообразіе полезныхъ результатовъ, достигнутыхъ имъ въ управленіи финансами Царства. Онъ не могъ ни одного дня оставаться безъ дѣла. Одинъ знаменитый мыслитель написалъ, что въ человѣческой природѣ есть одна, всѣмъ общая стихія: это лѣнь. Она составляетъ основу, на которой зиждутся всѣ индивидуальныя характеры, и различія однихъ отъ другихъ зависятъ лишь отъ большаго или меньшаго количества въ нихъ лѣни. Она же вѣчно будетъ препятствовать осуществленію фуриеризма, сенсимонизма и всякихъ подобныхъ мечтаній. Когда это писалъ, авторъ не зналъ Любецкаго; въ послѣдствіи, изучивши его, сознался, что въ установленномъ имъ общемъ законѣ нужно допустить одно исключеніе.

Находясь какъ бы во временномъ остракизмѣ, князь, для удовлетворенія своей органической потребности, долженъ былъ выдумывать себѣ серьезныя занятія. До того мало понимающій въ сельскомъ хозяйствѣ, онъ, живя въ домѣ Чаплина, прошелъ полный курсъ науки объ этомъ предметѣ, по сочиненіямъ Тэра и другихъ специалистовъ. Но и этого было недостаточно для наполненія продолжительнаго досуга. Тогда я предложилъ князю учить его англійскому языку, увѣряя, что въ какихъ нибудь четыре, пять недѣль, при помощи другихъ языковъ, онъ будетъ свободно читать прозу. Князь согласился, но занятія наши при самомъ началѣ прекратились по особому обстоятельству.

Между тѣмъ изданъ былъ высочайшій манифестъ къ полякамъ. Онъ былъ писанъ не въ польскомъ статсъ-секретаріатѣ и при составленіи его не спрашивали мнѣнія ни Любецкаго, ни пріѣхав-

шихъ изъ Варшавы генераловъ. Въ немъ повелѣвалось польской арміи положить оружіе въ всему народу покориться безусловно, положить на царское великодушіе. Сущность этого акта, конечно, не могла быть иная, но тонъ его былъ слишкомъ абсолютный и, къ несчастію, онъ вышелъ въ такое время, когда мятежъ, распространившійся быстро по всему Царству, проникнулъ и въ литовскія провинціи, и когда польская армія имѣла уже кое-какіе успѣхи. Поэтому предводители мятежа, при тогдашнемъ неразумномъ настроеніи, возмечтали, что для прекращенія кровопролитія будутъ имъ предложены мирныя условія, что по крайней мѣрѣ потребуются объясненія о причинахъ возстанія. Въ такихъ обстоятельствахъ, естественно, манифестъ произвелъ послѣдствія противоположныя цѣли, для которой былъ изданъ. Такой исходъ предвидѣли все, кому положеніе было извѣстно.

Около этого времени назначенъ, наконецъ, былъ Любецкому приѣмъ у государя. Вотъ какъ князь разсказалъ мнѣ подробности этого достопамятнаго свиданія:

„Я просилъ приватной аудіенціи, имѣя много интимнаго доложить при свиданіи наединѣ. Поэтому, приближаясь къ Зимнему дворцу, я непріятно былъ удивленъ, когда замѣтилъ стоявшую у главнаго подъѣзда группу посольскихъ слугъ и экипажей. Меня ввели въ большую залу, гдѣ я увидѣлъ ожидавшаго меня императора окруженнымъ всѣми находившимися въ Петербургѣ иностранными посланцами.

„Это меня весьма огорчило, но дѣлать было нечего, надо было принять положеніе и стараться только выйти изъ него съ честью. Государь, увидѣвъ меня, сказалъ:

— „Prince Lubecki, vous avez demandé une audience, en qualité de mon conseiller intime?“

— Oui, Sire.

— „Cela veut-il dire, que vous avez un conseil à me donner?“

— Précisément, Sire, je crois de mon devoir de le faire.

— „Parlez. Je veux que les représentants des puissances amies vous entendent“¹⁾.

„Къ подобному положенію я не былъ приготовленъ, но нужно было, во что бы то ни стало, импровизовать какой нибудь совѣтъ. Чувство

¹⁾ — «Князь Любецкій, вы просили аудіенціи по званію моего тайнаго совѣтника?»

— Такъ точно, В. И. В—во.

— «Значитъ ли это, что вы имѣете дать мнѣ совѣтъ?»

— Такъ точно, В. И. В—во, я считаю это своимъ долгомъ.

— «Говорите. Я желаю, чтобы васъ слышали представители дружественныхъ государствъ».

досады отъ такого приѣма подшепнуло мнѣ то, чего, при другой обстановкѣ, я бы, можетъ быть, не сказалъ, или сказалъ бы въ иной формѣ. Я заговорилъ:

— Sire, le manifeste de V. M. J. adressé dernièrement à l'armée et à la nation polonaises, a pour but de mettre fin à une guerre fratricide. Ce but ne saurait être atteint par cette voie. Pour qui connaît le caractère national des insurgés, le ton de cet acte et les conditions qu'il impose, ne pourraient que pousser l'aveugle exaltation des polonais à une résistance désespérée.

— „Alors, que me conseillez vous?“

— J'ose penser, que l'impression, produite par le manifeste, pourrait être atténuée par une proclamation plus conciliatrice, laissant pressentir la possibilité d'une issue de la soumission, moins humiliante pour l'orgueil national.

— „Comme une telle concession n'est pas possible, ce serait donc selon vous une guerre à mort?“

— Malheureusement, Sire, ce sera une guerre à mort¹⁾.

„Тутъ Николай Павловичъ сдѣлалъ знакъ, что аудіенція окончилась; я откланялся, посланники тоже хотѣли уйти, но государь ихъ удержалъ“.

Такъ императоръ торжественно, предъ лицомъ всѣхъ дружественныхъ дворовъ заявилъ, что въ отношеніи польскаго возстанія не намѣренъ допустить ни малѣйшей уступки.

¹⁾ — Последній манифестъ В. И. В—ва къ арміи и къ народу польскому имѣетъ цѣлью прекратить братоубійственную войну. Цѣль эта такимъ путемъ достигнута не будетъ. Для того, кто знаетъ народный характеръ мятежниковъ, тонъ этого акта и налагаемые имъ условія могутъ лишь побудить слѣдную экзальтацію поляковъ къ отчаянному сопротивленію.

— „Затѣмъ, что же вы мнѣ совѣтуете?“

— Я смѣю думать, что произведенное манифестомъ впечатлѣніе могло бы быть умѣрено изданіемъ прокламаціи въ духѣ болѣе примирительномъ, которая позволяла бы предчувствовать условія покорности менѣе унижительныя для народной гордости.

— „Какъ подобная уступка невозможна, то, по вашему, это будетъ война на смерть?“

— Къ несчастію, такъ, это будетъ война на смерть.

VI.

Князь Любецкій въ Варшаву уже не возвращался; на его мѣсто опредѣленъ былъ тогда другой министръ, а князь назначенъ членомъ государственнаго совѣта, высочайшимъ указомъ 14-го февраля 1832 года. Онъ притомъ оставленъ былъ завѣдывающимъ дѣлами по ликвидаціямъ съ иностранными державами ¹⁾. Князь и генералы графъ Красинскій и Рожнецкій были назначены къ засѣданію въ учрежденномъ тогда же департаментѣ по дѣламъ Царства Польскаго (упраздненномъ въ 1861 году).

Вслѣдствіе мятежа 1830 года признано было, что дѣйствующіе въ Царствѣ Польскомъ законы требуютъ кореннаго измѣненія, въ смыслѣ болѣе вѣрнаго обезпеченія въ будущемъ спокойствіи и введенія болѣе строгой общественной дисциплины. За нѣсколько мѣсяцевъ до назначенія князя Любецкаго въ государственный совѣтъ, высочайше поручено ему было рассмотреть законы Царства и представить свои по нимъ соображенія о требуемыхъ измѣненіяхъ и нововведеніяхъ. Этотъ важный и обширный трудъ былъ оконченъ Любецкимъ въ 1833 году къ полному удовольствію государя. (Рескриптъ 16-го октября 1833 года).

Въ томъ-же году, въ сентябрѣ, высочайше учреждена была, подъ главнымъ начальствомъ Сперанскаго и подъ предсѣдательствомъ министра статсъ-секретаря Царства Польскаго Туркула, „комиссія для ревизіи и составленія законовъ этого Царства“ (въ послѣдствіи переименованная въ кодификаціонную).

Весьма полезнымъ подготовленіемъ къ ея работамъ послужилъ совѣстливый трудъ Любецкаго ²⁾.

Какъ министерство финансовъ было поприщемъ для практическаго

¹⁾ По этому званію состояли при немъ французъ Буке (Bouquet) для французскихъ редакцій и А. П. Дмитріевъ (въ послѣдствіи сенаторъ варшавскихъ департаментовъ). Послѣдній былъ нѣкогда чиновникомъ губернскаго правленія въ Гроднѣ. Князь, въ бытность тамъ губернаторомъ, взялъ его къ себѣ для русской корреспонденціи, болѣе же для того, чтобы упражняться съ нимъ въ русскомъ разговорѣ. Дмитріевъ приобрѣлъ довѣріе князя, сдѣлался его малоръ-домомъ, ѣздилъ съ нимъ въ Берлинъ и Вѣну, продолжалъ состоять при немъ въ Петербургѣ и, наконецъ, вмѣстѣ съ Буке, сопровождалъ князя въ Парижъ.

²⁾ Комиссія эта просуществовала съ исхода 1833 г. по половину 1861 года. При графѣ Блудовѣ поручались ей работы и по Империѣ, въ томъ числѣ составленіе уложенія уголовныхъ законовъ. Я прослужилъ въ этой комиссіи съ самаго учрежденія ея по день упраздненія. О. П.

примѣненія специальности князя, такъ въ государственномъ совѣтѣ открылось ему обширное поле дѣятельности въ области умозрѣній и отвлеченностей.

На этой новой аренѣ Любецкій сразу занялъ выдающееся мѣсто и имѣлъ большіе успѣхи. Это объяснить слѣдующій анализъ умственного организма князя и логической процедуры, которой онъ слѣдовалъ постоянно.

Нужно начать съ того, что основаніемъ всего служила правда, доведенная до идеала и имѣющая свой собственный характеръ. Есть не мало честныхъ, примодушныхъ людей, но качество это, обыкновенно лишь отрицательнаго свойства, ограничивается неспособностью дѣйствовать противъ совѣсти, словомъ—кривить душой. Правда же Любецкаго имѣла въ себѣ еще силу активную, производительную. Не удовлетворяясь сферой пассивной честности, она обнимала собою всю область абсолютной правды, такъ что все неправдивое было для него равнозначущимъ нечестному. Въ этомъ отношеніи онъ былъ одаренъ трезвычайно тонкимъ чутьемъ и эта счастливая особенность давала ему родъ интеллектуальнаго ясновидѣнія. Онъ предусматривалъ, прежде всякаго умственного процесса, конечную логически-роковую развязку всякой задачи.

Въ обстоятельствахъ, когда рѣшеніе и мѣропріятія по нимъ зависѣли отъ самого князя (какъ это было въ заведеніи вѣрными ему частями), Любецкій не колебаясь приводилъ свои вдохновенія въ дѣйствіе, и послѣдствія всегда ихъ оправдывали. Всю цѣпь вступленій и выводовъ, ведущую къ истому выводу, которую князь заранее уже обилъ и въ цѣломъ, и въ отдѣльныхъ звѣньяхъ, нужно было развернуть предъ глазами участвующихъ въ преніяхъ, гдѣ отстаивались противныя мнѣнія. Тогда Любецкій, заявивъ свой тезисъ, установилъ общія, безспорныя начала, управляющія вопросомъ, начиналъ математическій процессъ. Съ строгою послѣдовательностью, шагъ за шагомъ, онъ поступалъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному и доходилъ наконецъ до того, предсказаннаго въ тезисѣ, „что требовалось доказать“. Притомъ-же, на случай еслибы общіе а priori выводы оказались безуспѣшными, у него былъ всегда въ резервѣ неотразимый доводъ а posteriori,—то, что въ древней схоластикѣ называлось „argumentum crucis“. Такъ вооруженный, Любецкій стремился уже прямо къ своему идеалу, къ тресвятой истинѣ, не стѣсняясь никакими уваженіями. Горетѣмъ мелкимъ самолюбіемъ, тѣмъ частнымъ интересамъ, которые нашлись на линіи этого шествія, съ тѣмъ чтобы остановить его или заставить свернуть въ сторону. Онъ ихъ растаптывалъ безпощадно, мечомъ неумолимой логики разсѣкая встрѣчаемые гор-

діевы узы и узелки, и въ конечномъ результатѣ одерживалъ блистательную побѣду. Ему рѣдко приходилось прибѣгать къ послѣднему, рѣшительному аргументу.

Таковыя приемы Любецкій практиковалъ постоянно и въ трактатіяхъ съ уполномоченными иностранныхъ государствъ, на сеймахъ и въ правительственныхъ учрежденіяхъ Царства и, наконецъ, привнесъ ихъ съ собою и въ государственный совѣтъ Имперіи.

Многіе находили ихъ слишкомъ рѣзкими и абсолютными. Это было не совсѣмъ справедливо. Правда, Любецкій заявлялъ свои мнѣнія прямо, въ сухой формѣ математическихъ тезисовъ, аргументацій своихъ не облагалъ въ смягчающія утонченности; ему было некогда, онъ поскорѣе добирался до самой сути дѣла, обнажая истину изъ затемняющихъ ее покрововъ (вѣдь и древніе представляли ее нагимъ). Но рѣчь его была чужда всякой личности, въ ней всегда слышался тонъ хорошаго общества.

Для образца приведу одинъ примѣръ; онъ дастъ общее понятіе объ усвоенныхъ княземъ методѣ и аргументаціи.

Въ одинъ изъ начальныхъ 1830-хъ годовъ, въ Виленской губерніи поймана была шайка разбойниковъ, долгое время совершавшая страшныя преступленія, въ родѣ историческихъ французскихъ нагрѣвателей (chauffeurs). Уголовная палата, по принятому ею для такихъ злодѣевъ обычаю, приговорила атамана шайки къ наказанію внудомъ 101 ударомъ. Онъ былъ католикъ, а это происходило въ самое то время, когда принимались мѣры къ воссоединенію униатовъ къ православнои церкви. Когда приступлено было къ исполненію приговора, осужденный, на площади уже, запротестовалъ противъ таковаго исполненія, заявилъ всенародно, что онъ принимаетъ православіе. Экзекуція была остановлена и объ этомъ казусѣ прокуроръ представилъ по порядку.

Трудно повѣрить, но въ высшихъ судебныхъ учрежденіяхъ случай этотъ вызвалъ разногласіе; такимъ путемъ дошелъ онъ до государственнаго совѣта. Мнѣнія и тамъ раздѣлились; нашлись голоса за отміну наказанія—въ интересъ распространенія православія. Любецкій представлялъ, что обращеніе разбойника, въ виду предстоявшей ему казни, нельзя признать искреннимъ; что если даже и допустить внезапное нантіе, то нѣтъ закона, который по такой причинѣ освобождалъ-бы преступника отъ наказанія, что и для церкви, въ которой онъ желаетъ присоединиться, пріобрѣтеніе подобнаго субъекта не можетъ быть ни лестнымъ, ни полезнымъ, и т. п. По этимъ соображеніямъ князь находилъ, что приговоръ палаты долженъ быть приведенъ въ исполненіе безъ измѣненія. Но какъ доводы его не имѣли полного успѣха и

прежніе голоса въ пользу отѣни наказанія не умолкали, то князь прибѣгнулъ къ своему запасному аргументу. Онъ сказалъ: „въ заключеніе, я долженъ замѣтить, что если просьба атамана разбойниковъ будетъ уважена, то этимъ установится весьма вредный прецедентъ. Для никовѣрцевъ, рѣшившихся перемѣнить вѣру, онъ будетъ поощреніемъ къ преступнымъ дѣяніямъ. А вѣсть съ тѣмъ они будутъ имѣть важное преимущество предъ православными. Одинъ изъ послѣднихъ, совершившій преступленіе, долженъ будетъ подвергнуться наказанію неуклонно, тогда какъ преступникъ - никовѣрецъ будетъ имѣть возможность, перемѣнивъ вѣру, остаться не наказаннымъ“.

Такое наглядное сопоставленіе положеній подѣйствовало наконецъ. Единогласно рѣшено приговоръ палаты привести въ исполненіе, а за остановленіе его сдѣлать кому слѣдуетъ выговоръ.

Подобное предыдущему случалось нерѣдко. Сила Любецкаго состояла сколько въ высшей интеллигенціи, опытности и обширныхъ познаніяхъ, столько, а можетъ, еще и болѣе, въ признанной всѣми правотѣ его; когда онъ говорилъ, то всѣ были увѣрены въ искренности его словъ, въ чистотѣ намѣреній, въ отсутствіи всякаго духа партій. Поэтому ему часто удавалось разрозненныя мнѣнія приводить къ единогласію. Но вскорѣ, и именно по назначеніи предсѣдателемъ государственнаго совѣта Н. Н. Новосильцева, противъ князя сформировались враждебныя партіи, завербованныя предсѣдателемъ и министромъ финансовъ, графомъ Канкринимъ. Первый съ давняго времени былъ заклятымъ врагомъ Любецкаго, а послѣдній видѣлъ въ немъ опаснаго для себя соперника и встрѣчалъ на всякомъ шагѣ строгаго критика своихъ дѣйствій. Каждый изъ нихъ, по своему положенію, имѣлъ немало сторонниковъ. Имѣлъ ихъ и Любецкій; это были люди добросовѣстные, которые, какъ и онъ, искали только правды, и поэтому, естественно, они составляли очень немногочисленное меньшинство. Любецкому случалось даже оставаться одинокимъ съ своимъ мнѣніемъ.

Государь, не потребовавъ отъ князя объясненія по его поведенію въ Варшавѣ въ исходѣ 1830 года, продолжалъ нежаловать его, но отдавалъ ему справедливость. Мнѣнія Любецкаго по положеніямъ государственнаго совѣта были такъ разумны и такъ убѣдительны, что Николай Павловичъ почти всегда утверждалъ то положеніе, на сторонѣ котораго былъ голосъ князя. Въ одномъ очень важномъ дѣлѣ, гдѣ онъ остался одинъ съ своимъ заключеніемъ, государь, на протоколѣ совѣта, подъ фамиліей Любецкаго, подписалъ: „и я“.

Все это страшно раздражило недоброжелателей и, какъ положеніе члена государственнаго совѣта и ни застраховано отъ служебныхъ

незгодъ, они таки ухитрились нанести Любецкому довольно чувствительный ударъ. Это будетъ рассказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ самыхъ оживленныхъ словобреніяхъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, о которыхъ было упомянуто, Любецкій сохранялъ ничѣмъ не возмутимое хладнокровіе. Оно немало способствовало его побѣдамъ; ему нельзя было сказать, какъ Минерва сказала Юпитеру: „Отдаъ, ты серднишься, то ты неправъ“. Но это безстрастіе доводило противниковъ до смѣшнаго вступленія. Такъ, Канкринъ, съ которымъ князю, по его специальности, чаще всего приходилось спорить, не разъ, бывъ Любецкимъ пойманъ и заключенъ въ безвыходную дилемму, вскакивалъ съ своего мѣста и въ безсмыслномъ озлобленіи оставлялъ засѣданіе.

И въ самомъ дѣлѣ, съ этимъ министромъ князь Любецкій былъ въ постоянномъ антагонизмѣ. По настоянію князя (если не ошибаюсь), смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ, до того ничѣмъ не контролированныя, начали быть вносимы въ государственный совѣтъ на разсмотрѣніе, и Любецкій критически разбиралъ какъ эти смѣты, такъ и другіе отчеты. Онъ указывалъ на разные въ нихъ недостатки и невѣрности. Такъ, напримѣръ, въ „видахъ торговли“ замѣчена имъ была повторявшаяся каждый годъ арифметическая ошибка (если это была ошибка), гдѣ одна и та же цѣнность фигурировала двояки, въ двухъ отдѣлахъ, подъ различными наименованіями. Однакожъ, когда дѣло шло объ установленіи постоянного внутренняго курса для прекращенія развивающагося въ страшныхъ размѣрахъ ажіо и объ опредѣленіи денежной единицы, Любецкій имѣлъ неуспѣхъ; онъ предлагалъ опредѣлить стоимость серебрянаго рубля въ 3 руб. 50 коп. на ассигнаціи, но принято было мнѣніе Канкрина, чтобы эту монету считать въ 3 руб. 60 коп.

Почти въ это же время выдуманы были графомъ Канкринимъ такъ называемые „депозитные билеты“. Они были прекраснаго зеленого цвѣта, малаго формата, выдавались изъ бывшаго ассигнаціоннаго банка въ замѣнъ серебряныхъ и золотыхъ рублей, не приносили процентовъ, а имѣли то преимущественно предъ ассигнаціями, что внесенныя деньги могли быть по нимъ во всякое время вытребованы обратно въ наличности. Въ Петербургѣ, а вѣроятно, и въ другихъ городахъ, распускалъ былъ слухъ, что скоро серебряные рубли совсѣмъ потеряютъ цѣнность, а будутъ приниматься одиѣ „депозиты“ и мелкая монета. Не смотря на нелѣпость слуха, большинство повѣрило ему вполне и петербургскіе сторожилы помнятъ, какъ, въ теченіе какихъ нибудь двухъ недѣль, на Большой Садовой не было

прѣзда за осаждавшею баню толпою, съ мѣшками рублей, для полученія за нихъ льготныхъ бумажекъ цѣта надежды.

Я спрашивалъ князя Любецкаго, что онъ думаетъ объ этой, непонятной для меня операциі?

— „Да,—отвѣчалъ онъ съ улыбкою,—дѣло довольно странное. Вмѣсто тяжелыхъ рублей, которыхъ нельзя много носить съ собою, министръ дастъ легонькія бумажки, такъ что тысячи рублей удобно укладываются въ карманѣ. Для этого учреждается цѣлое отдѣленіе банка, съ большимъ числомъ чиновниковъ. Такая заботливость о здравіи и удобствѣ публики, стоящая вазнѣ немалого расхода, какъ-то не естественна. Это покуда загадка, а разгадку узнаемъ тогда, когда большая часть звонкой монеты, находящейся въ частныхъ рукахъ, выловлена будетъ на эту удочку“.

И дѣйствительно, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ существованія депозитныхъ билетовъ, издано было постановленіе, которымъ объявлялось всенародно, что все находящееся въ обращеніи количество какъ этихъ билетовъ, такъ и ассигнацій, соединяется въ одинъ общій государственный долгъ, обеспеченный находящимся въ наличности фондомъ звонкой монеты, и за этотъ долгъ выпускаются новыя ассигнаціи, на которыя могутъ быть вымѣнены изъемаемые изъ обращенія депозитные билеты и старыя ассигнаціи. Это и была предсказанная Любецкимъ разгадка заботливости графа Канкринна объ удобствѣ публики. Банкиры удивлялись его знанію ночки, говорили, что подобная операція могла удачно совершиться только въ Россіи.

До того еще, въ одинъ изъ 1830-хъ годовъ, графъ Канкринъ, находя, что старыя ассигнаціи, по своей отдѣлкѣ, не соотвѣтствуютъ требованіямъ современнаго искусства, представилъ государственному совѣту образцы новыхъ ассигнацій всѣхъ достоинствъ, составленные художникомъ, нарочно для этого выписаннымъ. Совѣтъ, одобривъ образцы, предоставилъ министру поднести ихъ на высочайшее утвержденіе; князь Любецкій заявилъ, что онъ находитъ отдѣлку удовлетворительною, но что, въ предупрежденіе заграничной поддѣлки и дабы при случаѣ имѣть право преслѣдовать ее, необходимо, по примѣру польскаго банка и нѣкоторыхъ иностранныхъ, на лицевой сторонѣ напечатать надписи на четырехъ европейскихъ языкахъ, означающія, что бумажки эти суть кредитные билеты россійской государственной казны. Извѣстный по своему упрямству, Канкринъ на это не согласился, находя, что ассигнаціи сдѣланы слишкомъ испушно, чтобы опасаться поддѣлки. Предложеніе Любецкаго не было принято и новыя ассигнаціи были выпущены съ однимъ русскимъ текстомъ.

Опасеніе Любецкаго не замедлило оправдаться.

Одинъ чиновникъ нашего посольства въ Лондонѣ, проходя по одной изъ главныхъ улицъ, подъ вывѣской литографа замѣтилъ выставку разныхъ произведеній его мастерской, а между ними красовалась очень вѣрно воспроизведенная русская 25-ти рублевая ассигнація (одно уже то, что литографъ выставилъ ее безбожвенно, доказывало основательность требованія Любецкаго). Чиновникъ зашелъ къ художнику и тотъ, на вопросъ: какая это гравюра? отозвался незнающимъ что она изображаетъ и прибавилъ, что много подобныхъ сдѣлалъ по заказу одного господина и отпустилъ ему. Не подозревая тутъ ничего дурнаго, литографъ показалъ и визитную его карточку. Узнавъ такимъ образомъ фамилію и адресъ заказчика, посольство немедленно начало уголовный противъ него процессъ. Онъ явился въ судъ и защищался самъ. На обвиненіе адвокатомъ посольства въ поддѣлкѣ, онъ даже обидѣлся и сказалъ, что ему понравился рисунокъ доставшейся случайно бумажки, онъ заказалъ по ней большое количество копій и нагѣрелъ употребить ихъ на обои для своего кабинета. Когда ему возразили, что въ текстѣ объяснено значеніе бумажки, онъ отвѣчалъ, что если строки, которыя онъ принималъ за принадлежность рисунка, составляютъ текстъ, то это писано какими-то странными буквами и на такомъ языкѣ, котораго онъ не знаетъ и знать не обязанъ. Судъ оправдалъ его.

Около этого времени, не смотря на нязщную отдѣлку, которую графъ Канкринъ считалъ неподражаемою, Россія была засыпана фальшивыми ассигнаціями, не менѣе нязщно фабрикуемыми въ чужихъ краяхъ. Виленскій генералъ-губернаторъ, ген. Назимовъ, рассказывалъ мнѣ, что на прусской границѣ контрабандисты продавали 10-ти рублевья бумажки на вѣсъ, по очень сходной цѣнѣ—50 рублей за фунтъ.

VII.

Я не стану исчислять всѣхъ замѣчательныхъ случаевъ, гдѣ князь Любецкій отличился въ засѣданіяхъ государственнаго совѣта: это составило бы цѣлый томъ. Нерѣдко, послѣ продолжительныхъ преній, одно простое сдѣланное имъ замѣчаніе давало его мнѣнію перевѣсъ надъ противнымъ, хотя иногда и единогласно заявленнымъ. Я знаю нѣсколько тому примѣровъ. Но минуя частныя дѣла, участіе Любецкаго въ совѣщаніяхъ много способствовало къ уясненію важныхъ общихъ вопросовъ, окончательное рѣшеніе которыхъ установило принципы общей применимости.

Любецкій со Сперанскимъ были очень хороши: въ совѣтѣ они почти всегда голосовали одинаково, но особенной дружбы между ними не было. Князь много интересовался законодательными работами послѣдняго и когда сводъ законовъ было уже готовъ въ печати, но еще не изданъ въ свѣтъ, то получилъ отъ Сперанскаго одинъ экземпляръ. Любецкій прочиталъ всѣ томы отъ доски до доски. Это имѣло свою цѣль, какъ сейчасъ увидимъ.

По рассмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ и одобреніи государемъ „свода законовъ“, оставалось рѣшить: имѣеть ли онъ быть сразу введенъ въ дѣйствіе, или же, не слѣдуетъ-ли предварительно потребовать отъ учрежденій всѣхъ вѣдомствъ заключеній, какъ по содержанію самыхъ законоположеній, такъ и по вопросу о своевременности obligatoria его немедленно въ обязательную силу?

Такая дилемма предоставлена была обсужденію общаго собранія государственнаго совѣта и на засѣданіи его (19-го янв. 1833 г.) присутствовалъ императоръ Николай. Заявлены были различныя мнѣнія; не мало голосовъ было въ пользу того, чтобы, прежде всего, собраны были мнѣнія надлежащихъ властей; другіе предлагали вводить сводъ постепенно, отдѣлами, въ видѣ опыта. Давъ этимъ мнѣніямъ высказаться, всталъ съ своего мѣста Любецкій. Въ собраніи воцарилась глубокая тишина; всѣ интересовались узнать его сужденіе объ этомъ важномъ предметѣ.

Князь, по обыкновенію, сразу и рѣшительно заявилъ свое мнѣніе. Высказавшись безусловно за непосредственное введеніе свода въ дѣйствіе; затѣмъ сказалъ: „Россія слишкомъ долго страдаетъ отъ безпорядка, царствующаго въ ея законодательствѣ; то, что носитъ это имя, есть лишь нестройная масса несмѣтнаго числа отдѣльныхъ постановленій, не приведенныхъ ни въ какую систему, которая устанавливала бы взаимную ихъ между собою связь и опредѣляла бы есте-

ственными однихъ къ другимъ соотношенія. Въ практическихъ своихъ послѣдствіяхъ, такое состояніе почти равнозначуще отсутствію всякаго закона. Благоую мысль Екатерины Великой, положившей начало къ выходу изъ такого положенія, суждено было осуществить только настоящему славному царствованію. По указаніямъ самого державнаго дѣятеля, достойнымъ ихъ исполнителемъ, изъ хаоса разрозненныхъ элементовъ создано стройное цѣлое, вызвано къ практической жизни зрѣло обдуманною системою. Я подробно изучилъ монументальное сочиненіе свода и нахожу, что оно удовлетворяетъ своему назначенію. И теперь, когда мы дожили до момента, что вѣковое дѣло счастливо окончено, можемъ-ли не пожелать воспользоваться какъ можно скорѣе благодѣяніемъ даруемаго намъ полнаго, яснаго закона? Всякія отсрочки и предварительныя опыты не имѣли бы рациональной цѣли; ни то, ни другое для свода не нужно, такъ какъ онъ не есть новый законъ. Онъ составленъ изъ существующихъ законоположеній, и въ немъ сохранены основныя начала и духъ русскаго законодательства. Онъ не кодексъ и не пандекта, а — то, что въ наукѣ называется „дигеста“.

„По всему этому, я думаю, что намъ остается лишь принести его императорскому величеству всеподданиѣйшее поздравленіе съ сочетаніемъ великаго историческаго дѣла съ его августѣйшемъ именемъ, душевную отъ имени всего народа признательность и усерднѣйшую просьбу о повелѣніи ввести сводъ законовъ имперіи въ фактическое исполненіе безъ малѣйшаго отлагательства. Всякій день промедленія былъ бы днемъ, потеряннымъ безвозвратно“¹⁾.

Рѣчь эта окончательно рѣшила вопросъ. Замѣтивъ, что заключеніе Любецкаго совпадаетъ съ желаніемъ государя, собраніе общимъ возгласомъ (rag acclamation) заявило свое съ нимъ согласіе и повторило выраженную имъ всеподданиѣйшую просьбу. Императоръ, видимо довольный, изволилъ исполнить эту просьбу своего совѣта, повелѣвъ считать сводъ дѣйствующимъ закономъ. За снмъ послѣдовала извѣстная умиленная сцена, когда его величество, съ чувствомъ благодаря Сперанскаго, надѣлъ на него снятую съ себя звѣзду ордена св. Андрея.

Сперанскій возымѣлъ глубокую благодарность къ Любецкому, бывъ ему обязанъ благопріятнымъ рѣшеніемъ жизненнаго для него, какъ составителя свода, вопроса. Съ тѣхъ поръ между двумя знаменитыми государственными мужами завязалась тѣсная дружба.

¹⁾ Я старался воспроизвести съ возможною точностью импровизацію князя Любецкаго, какъ была имъ рассказана. О. П.

VIII.

Теперь мнѣ предстоитъ разскажъ объ одномъ знаменательномъ эпизодѣ, чтобы не сказать — подвигѣ, изъ дѣятельности Любецкаго, имѣвшемъ важныя послѣдствія для общей пользы, для самого же его — не совсѣмъ благопріятныя, какъ это и бываетъ нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ.

Князь подверженъ былъ припадкамъ подагры и каждый годъ ѣздилъ лечиться въ Ахенъ. Разъ, когда онъ въ Петербургѣ лежалъ нѣсколько недѣль одержимый этой мучительной болѣзнію, государственный совѣтъ занимался разсмотрѣніемъ важнаго предмета. Въ послѣдствіи стало извѣстнымъ, что это время было избрано предсѣдателемъ, графомъ Новосильцевымъ, съ цѣлью избавиться на этотъ разъ отъ присутствія Любецкаго.

Разсматривалось прошеніе нѣкоего полковника Шипова, о представленіи ему на 10 лѣтъ исключительнаго права завести на Волгѣ пароходы, главнѣйше для буксированія слѣдующихъ снизу каравановъ съ хлѣбомъ и другими произведеніями. Въ просьбѣ, составленной довольно искусно, такъ что она могла бы служить образцомъ затемняющей истину фразеологій, предпріятіе представлялось какъ дѣло общественной, даже государственной пользы, ожидаемой отъ ускоренія доставки по назначенію, и для внутренняго потребленія, и для отпуска за границу, произведеній низовыхъ губерній, столь медленно слѣдующихъ противъ теченія, посредствомъ тяги. Г. Шиповъ изображенъ былъ благодѣтелемъ отечества, чуть-ли не заслуживающимъ при жизни еще монумента. Но дѣло было миллионное и „благодѣтель отечества“ былъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, подставнымъ лицомъ негласной компаніи тонкихъ спекулянтовъ. Какъ бы то ни было, совѣтъ, вѣроятно, увлекшись краснорѣчіемъ прошенія, положилъ по существу (*en principe*) удовлетворить домогательство Шипова и это положеніе было высочайше утверждено. Оставалось совѣту составить „кондиціи“, на которыхъ выдается привиллегія. Все дѣло велось необыкновенно спѣшно „*tambour battant*“; кондиціи были готовы и протоколъ, заключающій ихъ, уже подписывался, когда, оправаясь отъ болѣзни, внезапно явился въ засѣданіе Любецкій; и ему также подали его къ подписанію. Изъ протокола князь, впервые узнавъ о дѣлѣ Шипова, отказался отъ подписанія и энергично запротестовалъ противъ самаго существа дѣла.

Завязался жаркій споръ, Любецкій сказалъ:

— „Волга—это артерія, которая въ настоящее время доставляетъ

заработки сельскому люду 18-ти губерній, можно сказать—кормить его. Конечно, нельзя не пожелать, чтобы на этой рѣкѣ появилось пароходство, да оно, безъ сомнѣнія, и будетъ въ скоромъ времени заведено капиталистами. Это будетъ естественный и потому полезный прогрессъ. Тогда, между теперешними заработками населенія и тѣми пользами, которыя должны для него открыться съ ускореніемъ навигаціи, установится справедливое равновѣсіе, на подобіе того, что мы видимъ въ мѣстностяхъ, гдѣ отъ введенія машинъ рабочій классъ сначала, не на долго, пострадалъ. Но право на такой прогрессъ отдавать одному частному лицу, съ устраненіемъ конкуренціи, было-бы учреждать монополію, равно вредную и для рабочаго люда, и для промышленности вообще. Прецедентъ Бердовской привилегіи, на который въ этомъ случаѣ ссылаются, къ нему примѣнимъ быть не можетъ, ибо шотландецъ Бэрдъ былъ первый, который ввелъ въ Россіи пароходство, теперь же оно не новостъ и сдѣлалось общимъ достояніемъ предпримчивости. Я всею силою протестую противъ состоявшагося въ мое отсутствіе положенія совѣта по этому предмету“.

Затѣмъ князю пришлось еще отвѣчать на наивныя возраженія и доказывать, какая огромная разница существуетъ между привилегіями (brevets), даваемыми на такія изобрѣтенія или нововведенія какъ дагерротипъ, физіонотипъ, и т. п., и монополій на пользованіе такимъ путемъ сообщенія, какъ Волга, тѣмъ болѣе, что тутъ и нововведенія нѣтъ.

Предсѣдатель, съ примѣрнымъ терпѣніемъ и, повременамъ, съ улыбкой удовольствія, выслушивалъ споръ; но видимо, онъ давалъ Любецкому высказываться съ компрометирующей оппозиціей, а потомъ думалъ уничтожить его однимъ словомъ. Не тутъ-то было. Новосильцевъ не довольно изучилъ Любецкаго, если воображалъ, что онъ способенъ компрометироваться. Когда князь кончилъ, повторяя протестацію противъ положенія совѣта, предсѣдатель съ важностью сказалъ:

— „Я долженъ напомнить вамъ, князь, что постановленіе, противъ котораго вы изволите говорить, высочайше утверждено“. Потомъ, видя, что этими словами князь нисколько не смутился, Новосильцевъ прибавилъ: „Впрочемъ, быть можетъ, вы имѣете особое полномочіе заявлять несогласіе съ монаршей волей?“ Онъ думалъ поставить этимъ Любецкаго въ безъисходное положеніе, — но вотъ сюрпризъ: князь, спокойно отвѣчая на вопросъ, выговорилъ только: „да, имѣю“.

Это магическое слово поразило всѣхъ какъ бы каталепсіей. На Новосильцева страшно было смотрѣть; косые глаза широко раскрылись и стали неподвижны, съ выраженіемъ ужаса; лицо, обыкновенно

багровое, приняло синеватый цвѣтъ. Любецкій сказалъ: „Сегодня же я отправляю къ его величеству, въ Москву, всеподданнѣйшее представленіе съ изложеніемъ высказанныхъ здѣсь соображеній противъ даваемой г. Шипову монополіи. Тѣхъ въ гг. членовъ, которые, быть можетъ, убѣдились моими словами въ необходимости такого представленія и пожелаютъ подписать его вмѣстѣ со мною, я буду имѣть честь ждать у себя до 7-ми часовъ вечера“. Всѣ промолчали; тогда князь, обратясь къ исправляющему должность статсъ-секретаря, сказалъ: „въ сегодняшнемъ протоколѣ, котораго я не подписалъ, прошу записать мой протестъ съ его мотивами“.

Возвратясь домой, князь послалъ за мною, желая показать, какъ будетъ составленъ докладъ. Онъ самъ написалъ его вчера по французски, прочиталъ мнѣ и г. Буке, который по черновой на томъ же языкѣ составилъ докладъ кратко и убѣдительно, въ формѣ письма. Въ немъ упоминалось о дозволеніи Любецкому не стѣсняться въ даваемыхъ государю совѣтахъ, хоть бы и противъ заявленнаго высочайшаго мнѣнія. Оно дано ему было разъ навсегда въ Варшавѣ, по одному случаю, гдѣ Любецкій предостерегъ Николая Павловича въ-время, когда хотѣли ввести его величество въ заблужденіе, въ чемъ въ послѣдствіи и самъ государь убѣдился ¹⁾).

Я также былъ у князя, когда фельдъегерь, прибывшій изъ Москвы чрезъ нѣсколько дней послѣ отправленія письма, привезъ отвѣтъ. На письмѣ князя, рукою государя была написана благодарность ему и прибавлено, что рѣшеніе по дѣлу онъ найдетъ на протоколѣ государственнаго совѣта. Тамъ было написано: „Согласенъ съ мнѣніемъ князя Любецкаго“.

Такъ рушился прекрасный планъ эксплуатаціи Волги, а съ нимъ канули въ нее и ожидаемые спекулянтами милліоны.

Могъ-ли Любецкій ожидать, что совершенный имъ въ этомъ случаѣ истинный подвигъ на пользу общую принесъ для него горькіе плоды чувствительныхъ непріятностей? Такъ, однакожъ, случилось.

Новосильцевъ былъ главнымъ покровителемъ Шиповскаго дѣла. Послѣ неожиданнаго исхода этой хитрой затѣи, ожесточеніе противъ Любецкаго достигло въ немъ апогея и, какъ всякая необузданная страсть, помрачающая разсудокъ, внушило ему, не смотря на его необыкновенный умъ, самый негѣпный шагъ. Пока государь оставался въ

¹⁾ Въ 1845 году, въ одномъ важномъ и очень деликатномъ дѣлѣ, я, по желанію князя, писалъ всеподданнѣйшій отъ него докладъ, гдѣ также нужно было сослаться на данное ему дозволеніе на безусловную предъ царемъ откровенность и гдѣ Любецкій оказалъ необыкновенное гражданское мужество. Представленіе это имѣло полный успѣхъ.

Москвѣ, предсѣдатель государственнаго совѣта сочинилъ родъ всеподданнѣйшаго адреса отъ членовъ совѣта, гдѣ изъяснялось, что, по такимъ-то важнымъ причинамъ (онѣ остались неизвѣстными), они не могутъ продолжать служить съ княземъ Любецкимъ и просятъ государя устранить его отъ засѣданій. Новосильцевъ успѣлъ собрать нѣсколько подписей; адресъ, однакожъ, не состоялся: болѣе хладнокровные смелнули, что подавать его было бы не безъ риска. Могло случиться, что нежеланіе ихъ служить съ Любецкимъ будетъ удовлетворено такимъ образомъ, что дозволился имъ самимъ оставить ненавистнаго сослуживца. Вслѣдствіе такого опасенія, открытая война была оставлена, а за то усилились тайные подковы, имѣющіе ту же цѣль: удаленіе Любецкаго изъ государственнаго совѣта, и она была, наконецъ, достигнута—хотя только на время.

За Любецкимъ, какъ уже сказано, оставалось званіе императорскаго уполномоченнаго по ликвидаціямъ съ иностранными державами. Онъ, какъ тоже сказано, окончилъ съ большимъ успѣхомъ съ правительствами Австріи, Пруссіи и Саксоніи расчеты по кампаніи 1813—14—15 годовъ. Оставалась еще Франція. Державы, составившія Священный союзъ, положившія конецъ хищничеству Наполеона I, насчитывали на нее большія суммы за военныя издержки кампаніи, которая избавила Францію отъ узурпатора и возвратила тронъ законному монарху. На долю Россіи приходилась значительная часть этого начета.

Вотъ этимъ-то предлогомъ и воспользовались враги Любецкаго, чтобы удалить его изъ Петербурга, успѣвъ поселить убѣжденіе въ необходимости окончить расчеты съ Франціею, не смотря на то, что по тогдашнимъ обстоятельствамъ не предвидѣлось къ этому возможности.

Въ исходѣ іюня 1834 года, дано было Любецкому высочайшее порученіе отправиться въ Парижъ и истребовать отъ французскаго правительства сумму, какая по расчету будетъ причитаться въ пользу Россіи. Въ помощь по этому дѣлу прикомандированъ былъ къ нему состоящій по министерству иностранныхъ дѣлъ, въ послѣдствіи членъ государственнаго совѣта, Тенгоборскій.

Любецкій вполне сознавалъ, что государь въ этомъ случаѣ введенъ въ заблужденіе и что данное ему порученіе есть не что иное, какъ успѣхъ разыгравшихся противъ него интригъ тѣхъ, которымъ мѣшало присутствованіе его въ государственномъ совѣтѣ. По этому случаю князь мнѣ говорилъ:

— „Не трудно предсказать, что моя парижская экспедиція потерпитъ полнѣйшее фіаско. Результаты ликвидаціи, полученные мною въ

трактаціяхъ съ нѣмецкими государствами, зависѣли непосредственно отъ нихъ правительствъ. Правительство же Франціи, при существующей тамъ конституціи, само не властно удовлетворить требованіе Россіи. Оно должно будетъ внести его на рѣшеніе парламента. Не подлежитъ сомнѣнію, что имъ будетъ безусловно отвергнуто домогательство вознагражденія за возстановленіе во Франціи той именно династіи, которую она, чрезъ пятнадцать лѣтъ, изгнала навсегда. Интрига очень хорошо все это знаетъ, но она мѣтитъ дальше, думаетъ погубить меня окончательно. Въ Парижѣ теперь, подъ предводительствомъ Чарторижскаго, сосредоточена польская эмиграція. Мои доброжелатели рассчитываютъ на одно изъ двухъ: или, увлекшись старою дружбою съ Чарторижскимъ, я скомпрометируюсь предъ моимъ правительствомъ, или же не захочу имѣть ничего общаго съ эмигрантами, а тогда эмиграціонный трибуналъ, считающій меня фаворитомъ императора Николая, какъ это гласитъ и „Revue des deux mondes“, приговоритъ меня къ смерти, и кто нибудь изъ сборовъ этого Vehme Gericht—исполнить на мнѣ приговоръ“.

Такими грустными предвѣщаніями сопровождалась сборы князя въ предстоящій вояжъ. Но семья его и не подозрѣвала его черныхъ мыслей; въ средѣ ея онъ всегда являлся съ видомъ полного спокойствія, даже веселости. Меня эта наружность никогда не обманывала; въ моихъ наблюденіяхъ, я давно замѣтилъ у князя фізіологическіе признаки нервной чувствительности и пришелъ къ заключенію, что пресловутое хладнокровіе его, такъ много способствующее діалектическимъ побѣдамъ,—только наружный симптомъ, выработанный необыкновенною силой воли, покорившей своей власти вымогательства природнаго темперамента.

Я замѣтилъ князю, что, пользуясь царскимъ дозволеніемъ, онъ могъ бы все то, что мнѣ рассказалъ, объяснить государю и безуспѣшная и опасная поѣздка, вѣроятно, была бы отиѣнена. Князь рѣшительно отвергъ это. Онъ возразилъ, что предлогъ выдуманъ искусно, онъ благовидный и подходитъ къ атрибутамъ его званія уполномоченнаго; ему же не слѣдуетъ отклонять исполненіе порученія, не исчерпавъ на мѣстѣ всѣхъ шансовъ успѣха. Личныя же опасности могутъ быть отвращены принятыми предосторожностями.

Въ Парижъ сопутствовали Любецкому Буке и Дмитріевъ. Онъ пробылъ тамъ съ 2-го іюля 1834 по 18-е марта 1837 года. И, разумѣется, переговоры и разныя дипломатическія мытарства, длившіяся безъ малаго три года, не привели ни къ какому вещественному результату; только въ моральномъ отношеніи Любецкій достигъ полнаго успѣха. Людовикъ-Филиппъ и его министры претензію Россіи

признали справедливою и дали князю письменное въ томъ удостовѣреніе. Но палата депутатовъ отказала въ кредитъ, испрашиваемомъ на уилату этого долга. По возвращеніи изъ Парижа, Любецкому, въ рескриптѣ 18-го мая 1837 года, „за особенное усердіе“ въ стараніи объ исполненіи порученія, выражено монаршее „благоволеніе и признательность“.

О своемъ пребываніи въ Парижѣ князь рассказывалъ мнѣ слѣдующее: кромѣ короля и нѣкоторыхъ министровъ, преимущественно Гизо и Тьера, онъ ни у кого не бывалъ. По обыкновенію, какъ въ Варшавѣ и Петербургѣ, ѣздилъ каждый день къ ранней обѣднѣ. По городской почтѣ и другими путями получалъ множество писемъ безъименныхъ или подписанныхъ изображеніями вистлицы, кинжала, топора, пистолета. Во всѣхъ угрожали ему смертію отъ имени эмиграціи. Хотя этимъ страхамъ князь не вполне вѣрилъ, но какъ отъ сумасбродовъ можно было всего опасаться, то принималъ мѣры предосторожности самъ, не обращаясь за этимъ къ власти. Для здоровья ему нужно было много ходить, то для этого выѣзжалъ далеко за городъ, въ самомъ же городѣ ходилъ только днемъ, по главнымъ улицамъ, всегда въ сопровожденіи Дмитріева и камердинера, вооруженныхъ палками, называемыми головоломками (casse-tête). Послѣдній еще велъ на цѣпи огромнаго датскаго кобеля ¹⁾. Въ этихъ прогулкахъ нерѣдко случалось встрѣчать знакомыя личности эмигрантовъ изъ Варшавы, но, вѣроятно благодаря такой обстановкѣ, они къ князю не подходили.

Возвратясь изъ Парижской экспедиціи, которую можно было считать благовиднымъ остракизмомъ, князь Любецкій сталъ продолжать дѣйствовать съ прежней энергіей въ кругѣ своего служебнаго положенія. Враги съ крайнею досадою увидѣли, что ихъ расчетъ не удался; желанный князь возвратился невредимъ и еще, къ его прежнимъ,

¹⁾ Подаренный мною князю въ Петербургѣ, Султанъ отличался необыкновеннымъ ростомъ и рѣдкою у собакъ этой породы смышленностью. Въ Парижѣ онъ доказалъ свой тонкій инстинктъ уличивъ вора, укравшаго у князя всѣ ордена. Умный и до того со всѣми ласковый, песъ вдругъ возненавидѣлъ хорошо ему знакомаго лакея г. Тенгоборскаго и сталъ преслѣдовать его съ такимъ ожесточеніемъ, что это обратило вниманіе княжескаго камердинера Казиміра, который не могъ себѣ простить своей оплошности и хотѣлъ уже обратиться къ сыюкной полиціи. Строго допрошенный имъ, лакей сознался и возвратилъ украденное. Къ счастью, онъ не успѣлъ ничего продать, а то въ Парижѣ не легко было-бы купить русскія ордена звѣзды, особенно-же пряжку ордена Св. Анны 4-й степени, которою князь Любецкій очень дорожилъ, какъ памятью своего участія въ суворовской кампаніи, и которую всегда надѣвалъ при другихъ орденахъ.

прибавилась новая, хотя только въ нравственномъ отношеніи важная, заслуга.

Черезъ нѣсколько времени послѣ возвращенія князя, послѣдовала кончина предсѣдателя государственнаго совѣта, графа Н. Н. Новосильцева. Это создало новое положеніе вещей и въ немъ вышло наружу дѣло, которое, въ ожиданіи этого событія, удерживалось въ тѣни. При этомъ случаѣ характеръ князя явился въ новомъ свѣтѣ, но новомъ только для тѣхъ, которые недовольно близко его знали. Разсказомъ объ этомъ, для дополненія его характеристики, мы заключимъ разсказы изъ замѣчательнѣйшихъ фазисовъ жизни князя Любецкаго.

Въ 1819 или 1820 году, сенатору Новосильцеву, занимавшему въ Царствѣ Польскомъ, какъ уже сказано, постъ императорскаго комиссара, пожаловано было въ 12-ти-лѣтнее владѣніе большое казенное имѣніе въ Гродненской губерніи, „Слонимская экономія“, состоящее изъ многихъ фермъ и другихъ доходныхъ статей. По истеченіи упомянутаго срока, пожалованіе продолжено было еще на другое 12-ти-лѣтіе. Одной аренды, въ которую отдавались разнымъ лицамъ фермы, имѣніе это приносило 125,000 руб. ассиг. чистаго дохода.

Новосильцевъ каждый годъ проживалъ по нѣскольку мѣсяцевъ на отдыхѣ въ городѣ Слонимѣ, и тамъ я, въ 1820 году, имѣлъ случай близко познакомиться съ нимъ, служивши, по возвращеніи изъ университета, письмоводителемъ при уѣздномъ предводителѣ, моемъ родственникѣ, Броньскомъ, у котораго „сенаторъ“ (какъ всѣ Новосильцева называли) бывалъ каждый вечеръ. Любопытныя подробности этого соприкосновенія молодаго эскъ-студента съ знаменитымъ государственнымъ мужемъ разсказаны мною въ другомъ мѣстѣ ¹⁾.

Къ Слонимской экономіи принадлежали обширныя лѣсныя дачи, состоявшія въ значительной части изъ дѣннаго, товарнаго, корабельнаго и даже мачтоваго лѣса. Казнѣ цѣнность эта была хорошо извѣстна, и въ высочайшемъ пожалованіи Новосильцеву экономіи было именно говорено, что временный владѣлецъ можетъ пользоваться только дровянымъ лѣсомъ, а строевымъ не иначе, какъ съ разрѣшенія казенной палаты, подъ наблюденіемъ мѣстнаго лѣснаго начальства, въ количествѣ, исчисленнымъ съ точностью для необходимыхъ построекъ въ деревняхъ и фермахъ; выдѣлка же товарнаго лѣса воспрещалась безусловно.

Когда Новосильцевъ былъ уже въ Петербургѣ предсѣдателемъ

¹⁾ «Календоскопъ Воспоминаній Ципринуса», см. «Русскій Архивъ» 1872 года, столбецъ 1768.

государственного совѣта, случилось, что окружный начальник жандармской части въ западныхъ, юго-западныхъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ, генералъ Дребушъ, проѣзжалъ чрезъ Слонимъ въ началѣ весны, когда еще рѣки не очистились отъ льда. На берегахъ рѣки Щари и Огнискскаго канала лежало, приготовленное для сплава за границу, такое громадное количество товарнаго лѣса, что это поразило генерала. Онъ полюбопытствовалъ узнать—чей это лѣсъ, и жидки по секрету рассказывали, что это лѣсъ изъ казенныхъ дачъ Слонимской экономіи и что онъ не въ первый уже годъ управляющимъ экономіею сплавляется за границу.

Дребушъ донесъ о томъ кому слѣдовало; спрошенный Новосильцевъ отозвался незнаніемъ и сказалъ, что если и было что нибудь подобное, то это дѣлалось безъ его вѣдома, повѣренными Кукольниковъ. Дѣло оставалось темнымъ; назначена была слѣдственная коммисія; ей Кукольникъ представилъ квитанціи, удостовѣрившія, что деньги за сплавленный лѣсъ отсылались въ кассу Новосильцева, но объяснилъ, что самый лѣсъ не казенный, а купленный у помѣщиковъ Боржмивскаго, Броньскаго и Герубовича, на что и представилъ заключенные съ ними контракты. Коммисія удовлетворилась этимъ безъ повѣрки такихъ показаній. Дребушъ повторилъ свое донесеніе и назначено было вторичное слѣдствіе, но и оно имѣло тотъ же исходъ, что и первое. Только по третьему уже представленію неугомоннаго жандармскаго генерала, гдѣ онъ положительно утверждалъ, что видѣнный имъ лѣсъ—казенный, присланъ былъ на мѣсто статсъ-секретарь у принятія прошеній, князь Голицынъ. Онъ началъ съ того, что вызвалъ упомянутыхъ помѣщиковъ и оказалось, что никто изъ нихъ повѣренному „сенатора“ лѣса не продавалъ. Такимъ образомъ вполнѣ подтвердилось донесеніе генерала Дребуша.

Однакожъ, при жизни Новосильцева дѣло оставалось безъ движенія; по смерти же его министръ государственныхъ имуществъ, графъ Киселевъ, далъ ему ходъ и, по собраннымъ даннымъ, требовалъ громадной суммы въ вознагражденіе казны за порубку цѣннаго лѣса. Дѣло дошло до государственнаго совѣта и тамъ послѣдовалъ тотъ замѣчательный случай, о которомъ въ свое время говорилъ весь Петербургъ. Случай этотъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Всѣмъ была извѣстна, продолжавшаяся десятки лѣтъ, непримиримая вражда между умершимъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и княземъ Любецкимъ. Поэтому всѣ были увѣрены, что послѣдній выкажетъ эту вражду при представившемся случаѣ. Графъ Киселевъ думалъ найти въ немъ сильную поддержку своего иска. Такое было общее убѣжденіе, когда, по выслушаніи доклада и до-

полнителныхъ объясненій министра, Любецкій всталъ съ своего мѣста. Но вмѣсто того, чтобы привести подробности, усиливающія обвиненіе, по ближайшей извѣстности князю мѣстныхъ обстоятельствъ, онъ попросилъ позволенія сдѣлать министру нѣкоторые вопросы. Вслѣдствіе этого, завязался между ними слѣдующій разговоръ:

Князь Любецкій. Покойный, какъ изъ дѣла видно, отговаривался тѣмъ, что рубка казеннаго лѣса производилась безъ его вѣдома, его повѣреннымъ.

Графъ Киселевъ. Допустимъ, что это такъ. Но и по смыслу закона, и по самому существу вещей, довѣритель отвѣчаетъ за дѣйствіи своего повѣреннаго и за убытки, причиненные этими дѣйствіями третьей сторонѣ. Слѣдовательно, казна должна получить вознагражденіе изъ оставшагося послѣ графа Новосильцева имущества.

Князь. Ваше сіятельство наставляете на сформированномъ вами общемъ положеніи?

Графъ. Конечно, наставляю.

Князь. И всѣ въ этомъ съ вами согласны. Но изъ этого же положенія вытекаетъ, что если имѣніе графа Новосильцева, какъ довѣрителя лица, сдѣлавшаго порубки, должно за нихъ отвѣчать, то и надлежащая правительственная власть, какъ повѣрительница мѣстныхъ лѣсныхъ чиновниковъ, допустившихъ эти порубки, должна за нихъ принять на себя часть отвѣтственности. А затѣмъ, какъ наследникамъ покойника служить право искать съ его довѣреннаго убытковъ, причиненныхъ слѣдующимъ казнѣ вознагражденіемъ, точно также и казна имѣетъ право взыскать причитающуюся часть вознагражденія со своихъ повѣренныхъ, своихъ же чиновниковъ.

Сказавши это, князь сѣлъ среди знаковъ общаго удивленія; графъ Киселевъ не нашелъ ничего сказать въ опроверженіе того, что вытекало изъ собственныхъ его же словъ. Въ это засѣданіе дѣло не было рѣшено; окончательный исходъ его мнѣ неизвѣстенъ, я также не знаю воспользовался-ли министръ совѣтомъ князя касательно лѣсныхъ чиновниковъ.

IX.

Князь Любецкій, какъ уже сказано, подверженъ былъ припадкамъ подагры. Вообще, медики не берутся лечить эту болѣзнь радикально, а лишь предписываютъ употребленіе извѣстныхъ минеральныхъ водъ, облегчающихъ припадки и дѣлающихъ ихъ менѣе частыми. Для этого князь ѣздилъ каждый годъ въ Ахенъ. Но вернувшись изъ Парижа, привезъ съ собой какія-то пилюли, которыя, принимаемыя въ самомъ припадкѣ, успокаивали его до того, что больной могъ ходить и выѣзжать. Не внимая запрещеніямъ своего доктора, извѣстнаго Мянновскаго, князь употреблялъ это средство каждый разъ, когда, бывъ одержимъ подагрой, желалъ присутствовать при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ какого нибудь важнаго дѣла. Это положило начало болѣзни другого уже рода, которая развилась въ исходѣ марта 1846 года и оказалась неизлечимой. Князь пролежалъ большую часть апрѣля, и 19-го числа этого мѣсяца былъ уже при смерти. Когда началась агонія, въ комнатѣ больного были: докторъ, священникъ доминиканецъ, съ дарами для причащенія, членъ государственнаго совѣта Ганъ, князь Ириней Огинскій и я. Больной былъ уже безъ языка и поэтому не могъ быть причащенъ. Сестра, теща князя, графиня Спиціонъ, жена его и дочери были въ неописанномъ горѣ; такой оборотъ болѣзни былъ неожиданный и не могли быть вызваны въ Петербургъ два сына князя, находившіеся въ Гродненской губерніи. Докторъ, потерявшій всякую надежду, удалилъ изъ комнаты протившуюся съ умирающимъ семью, а самъ, засѣвши въ уголъ, горько плакалъ. Всѣ мы въ глубокой горести ждали уже послѣдней минуты..... Только вдругъ, Мянновскій, какъ бы озаренный вдохновеніемъ, вскакиваетъ и кричитъ: „скорѣ ванну и льду!“ Когда подали требуемое, мы взяли князя на руки и посадили въ ванну, а докторъ сталъ обливать его съ головы до ногъ водою со льдомъ. Больной сразу страшно кричалъ, потомъ, какъ бы въ обморокѣ, затихъ. Его положили въ постель, укутали въ теплыя одѣяла и онъ скоро спокойнымъ сномъ уснулъ. Былъ десятый часъ вечера; всѣ оставались цѣлую ночь и—о, радости! съ разсвѣтомъ больной, проснувшись, заговорилъ. Священникъ, пользуясь минутой, сдѣлалъ намъ знакъ; мы удалились, пошли къ дамамъ сообщить радостную вѣсть, а между тѣмъ князь исповѣдался и принялъ св. Тайны. Послали эстафету за сыновьями; они чрезъ нѣсколько дней пріѣхали, а съ ними и племянникъ князя, Францискъ Пусловскій.

Послѣ этого кризиса, князь Любецкій жилъ еще двадцать два дня.

не вставая уже съ постели, но оставаясь въ полномъ умѣ и памяти и говоря свободно. Еще разъ исповѣдывался и причащался, продиктовать и подписалъ духовное завѣщаніе и 11-го (23-го) мая 1846 года, ночью, тихо скончался, окруженный всею семьей и близкими, преданными ему лицами. Тѣло его, для отправленія въ имѣніе, въ фамиліную гробницу, было набальзамировано докторомъ Ру (Roux); Пусловскій и я помогали доктору въ этой трудной операціи, которую я тогда въ первый разъ видѣлъ. Потомъ, тѣло было выставлено на цѣлую недѣлю въ особой комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ, превращенной въ „горящую капеллу“ (chapelle ardente), и тамъ всѣ петербургскіе знакомые прощались съ знаменитымъ покойникомъ. Между ними, изъ дамъ отличались глубокимъ горемъ княгиня Бѣлосельская и графиня Нессельроде, съ которыми князь былъ очень друженъ. Къ нимъ недоставало еще уѣхавшей до того въ Парижъ страстной пріятельницы покойнаго, супруги Анатолія Демидова, князя Санъ-Донато (княгини Матильды Бонапарте); она всѣмъ и даже супругѣ Любецкаго признавалась, что влюблена въ него (qu'elle l'aime d'amour).

Этой грустной картиной заканчиваемъ настоящій очеркъ. Найдутся, вѣроятно, такіе, изъ не знавшихъ князя Любецкаго, которые скажутъ, что очеркъ этотъ, съ начала до конца, не что иное какъ панегирикъ. Я охотно признаю это опредѣленіе справедливымъ, потому что, кто бы ни писалъ о Любецкомъ правду, всегда выйдетъ то же самое. Но вызываю всѣхъ и каждого уличить меня въ лицепріятіи, въ преувеличеніи. А сколько тутъ еще недосказаннаго.....

О. А. Пржецлавскій.

Марининъ-хуторъ.
Сентябрь 1877 года.